

542 57-yr

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ

И. И. СРЕЗНЕВСКАГО.

1829—1839 Г.Г.

Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина“

24-286

КІЕВЪ

Типо-литографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Ова Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица, № 6

1901

54257-42

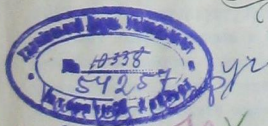
9/003/
C75

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ

И. И. СРЕЗНЕВСКАГО.

1829—1839 Г.Г.

Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина“

48

51 54 ✓
58

24-286

КІЕВЪ

Типо-литографія Императорскаго Университета Св. Владимира.
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица, № 6.

1901.

45

102

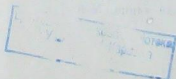
№ 8. ПЕРВЫЙ

П. И. СЕРГЕЕВСКАЯ

17 0381-0381

Дозволено цензурою. Киевъ, 17 августа 1901 года.

Възвѣщеніе о продажѣ книгъ

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ И. И. СРЕЗНЕВСКАГО.

1829—1839 гг.

Сборникъ извлеченій изъ переписки И. И. Срезневскаго, нынѣ появляющійся на страницахъ Кіевской Старины, долженъ обнять собою 1829—1839 годы. Въ эти годы дѣятельность И. И. Срезневскаго принадлежала почти исключительно Мало-россiи и предметомъ своимъ по преимуществу имѣла наблюденія надъ жизнью народа, собраніе памятниковъ народной поэзіи. Интересъ къ такимъ наблюденіямъ видѣнъ въ самомъ старшемъ изъ сохранившихся писемъ И. И. Срезневскаго: „Напиши, какъ провелъ праздники, какъ встрѣтилъ новый годъ, какъ встрѣтили его ваши деревенскіе жители“, писалъ онъ въ 1827 году своему другу, имени котораго письмо не сообщаетъ; „я очень люблю слушать и читать что либо народное о простодушныхъ мужикахъ, о застѣнчивыхъ дивчинахъ, о старушкахъ рассказницахъ, люблю слушать ихъ рассказы; въ ихъ быту ясно можно видѣть прежнее состояніе, духъ, нравы милыхъ сердцу моему Россiянъ“. Въ этихъ словахъ пятнадцатилѣтняго студента уже сквозитъ обликъ будущаго этнографа; въ дальнѣйшихъ письмахъ какъ самаго Измаила Ивановича, такъ и его корреспондентовъ всего періода 1829—1839 годовъ намекъ перваго письма получаютъ все большее и большее развитіе: жи-

вая старина Украины, какъ обломокъ старой русской жизни, ея народная поэзія, ея природа, ея жители—вотъ тѣ предметы, вокругъ которыхъ вращаются интересы молодого харьковского ученаго. Путешествіе 1839—1842 г.г. по землямъ зарубежныхъ славянъ и близкое ознакомленіе съ славянскимъ міромъ во всей его совокупности расширили прежнія научныя увлеченія Срезневскаго: основой его занятій, и по любви, и по убѣжденію, вмѣсто одной Малороссіи, какъ части Россіи, съ тѣхъ поръ на долгое время стало все славянство, какъ одно цѣлое.

Считаю полезнымъ представить здѣсь краткій очеркъ жизни И. И. Срезневскаго за періодъ, обнимаемый настоящимъ сборникомъ: онъ даетъ возможность читателю легче ориентироваться въ рядѣ отдѣльныхъ переписокъ.

Измаиль Ивановичъ Срезневскій родился въ Ярославлѣ 1 іюня 1812 года. Отецъ его, профессоръ Ярославскаго Демидовскаго высшихъ наукъ училища, Иванъ Евсеѣвичъ Срезневскій не задолго до рожденія дитяти долженъ былъ уѣхать изъ Ярославля въ Харьковъ, куда былъ назначенъ на мѣсто умершаго въ 1811 г. профессора російскаго краснорѣчія, Рижскаго. Двухмѣсячнымъ ребенкомъ былъ перевезенъ въ Харьковъ и Измаиль Ивановичъ. Съ 1819 года, когда умеръ Иванъ Евсеѣвичъ, мальчикъ остался подъ исключительнымъ надзоромъ своей матери Елены Ивановны Срезневской. Въ университетъ Измаиль Ивановичъ вступилъ въ 1826 году; Е. И. Срезневская предполагала направить его по медицинскому факультету, но онъ не могъ одолѣть своего отвращенія къ трупному запаху и поступилъ на ээико-политическое отдѣленіе философскаго факультета. Нельзя, впрочемъ, признать этотъ шагъ вполне сознательнымъ; онъ вѣроятно былъ сдѣланъ по увлеченію и не безъ вліянія товарищей. Какъ человѣкъ даровитый и энергичный, Срезневскій сразу отдался университетскимъ занятіямъ и въ 1828 году уже мечталъ о кафедрѣ, говорилъ, что служить по ученой части его давнее желаніе; онъ включилъ себя въ число тридцати кандидатовъ на посылку за границу для усовершенствованія и былъ утвержденъ попечителемъ съ патью дру-

гими товарищами. Въ то же время съ гораздо болѣшимъ увлеченіемъ онъ предался работамъ по народной поэзіи, начавъ съ четырнадцати лѣтъ собирать этнографическіе матеріалы.

Въ 1829 году, по представленіи диссертациі „Объ обидѣ“, онъ блистательно кончилъ курсъ университета и поступилъ на службу въ Дворянское депутатское собраніе, гдѣ оставался до 1832 года. Къ этому времени относится начало его литературной дѣятельности: онъ выступилъ передъ публикой въ товарищескомъ изданіи „Украинскій альманахъ“; здѣсь были напечатаны его стихотворенія, „Мысли и замѣчанія“ и первыя записи малорусскихъ думъ. Этнографическое направленіе занятій И. И. Срезневскаго, сказавшееся въ первомъ его изданіи, подтвердилось новой его работой, — „Словацкими пѣснями“ (1832), записанными со словъ заходившихъ въ Харьковъ Словаковъ-ходебщиковъ. Но особенное развитіе его труды по народной словесности получили въ 1832—1833 годахъ, когда онъ жилъ въ качествѣ домашняго учителя въ имѣніи Подольскихъ близъ Днѣпровскихъ пороговъ; здѣсь онъ предался своимъ работамъ со всею страстностью, записывалъ пѣсли, преданья, знакомился съ бытомъ Запорожья по „живымъ памятникамъ минувшаго“ — старымъ козакамъ-бандуристамъ, которые тогда попадались еще кое-гдѣ въ Украинѣ. Результатомъ наблюденій и записей И. И. Срезневскаго, сообщеній его друзей и пособниковъ явилась въ 1833 году первая книга его „Запорожской Старины“.

Въ 1833 году И. И. Срезневскій вновь зачислился на службу сначала въ Харьковскій Совѣстный судъ, затѣмъ, въ 1834 г. въ Депутатское дворянское собраніе, гдѣ онъ занялъ мѣсто бібліотекаря харьковской публичной бібліотеки. Плодомъ бібліотечныхъ занятій И. И. Срезневскаго былъ изданный имъ „Систематическій указатель книгъ и рукописей, находящихся въ харьковской публичной бібліотекѣ, № 1“ (1834, безъ фамиліи составителя). Во все время службы въ Депутатскомъ собраніи и въ Совѣстномъ судѣ Измаилъ Ивановичъ занимался преподаваніемъ русскаго языка и словесности, исторіи и географіи въ частныхъ училищахъ и семействахъ. Не прерывая и юриди-

ческих занятий, онъ приготовился мало-по-малу къ магистерству и въ сентябрѣ 1835 года сдалъ экзаменъ на степень магистра по политической исторіи, статистикѣ и политической экономіи. Диссертация на назначенную факультетомъ тему „О сущности и содержаніи теоріи въ политическихъ наукахъ“ была представлена къ факультетъ въ началѣ 1836 года и въ апрѣлѣ 1837 г. одобрена къ защитѣ. Защита состоялась 16-го іюня 1837 г.; утвержденіе въ званіи магистра со стороны министра послѣдовало 27-го августа того-же года, и 9-го сентября И. И. Срезневскій былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ харьковскаго университета по кафедрѣ политической экономіи и статистики. Печатные труды И. И. Срезневскаго за 1834—1837 годы касались главнымъ образомъ исторіи Малороссіи и народной малорусской словесности. Это были, во первыхъ, книжки „Запорожской Старины“, далѣе „Огрывки изъ записокъ о старцѣ Григоріи Сковородѣ“ (1834), „Взглядъ на памятники украинской народной словесности“ (1834), „Иванъ Барабашъ“ (1835), „Общіе основанія Зендавесты“ (1835), „Маргынецъ“ (1835), „Барсерка“ (1836), рассказы „Маіоръ, маіоръ!“ (1836), и „Rapsodia sonatina“ (1837), рядъ измѣненныхъ извлеченій изъ „Запорожской Старины“, напечатанныхъ въ Петербургскихъ и Московскихъ періодическихъ изданіяхъ, наконецъ „Опытъ о сущности и содержаніи теоріи въ наукахъ политическихъ“ (1837). Рядъ этихъ изданій, съ „Запорожской Стариной“ во главѣ, выдвинулъ Измаила Ивановича, какъ изслѣдователя весьма даровитаго, какъ выдающагося историка Украины, какъ наблюдателя народной жизни, какъ энергичнаго труженика, обратилъ въ то-же время на него вниманіе со стороны людей, отъ которыхъ, какъ оказалось впослѣдствіи, стала въ зависимость его дальнѣйшая судьба. Когда въ октябрѣ 1837 года въ Харьковскій университетъ пришло первое предложеніе объ избраніи изъ среды профессоровъ лицъ для посланки за границу съ цѣлью подготовленія къ занятію кафедръ славновѣдѣнія, Гулакъ Артемовскій, деканъ философскаго факультета, предложилъ кандидатомъ Харьковского университета Рославскаго-Петровскаго.

Рославскій мало былъ склоненъ къ занятію кафедры славяновѣдѣнія, занимаясь исключительно науками историческими, и поэтому на предложеніе Гулака представилъ такія условія, которыя едва ли можно было бы принять въ другое время, тѣмъ не менѣе Артемовскому они не показались странными, и по его представленію совѣтъ университета ихъ одобрилъ. Попечитель харьковскаго учебнаго округа, графъ Юрій Александровичъ Головкинъ, не далъ утвержденія проекту Гулака-Артемовскаго и предложилъ съ своей стороны послать за границу Срезневскаго, который, какъ онъ писалъ, „постоянно и съ успѣхомъ занимался уже изслѣдованіемъ и изученіемъ нѣкоторыхъ языковъ, составляющихъ отрасли славянскаго“. Предложеніе попечителя было принято совѣтомъ университета, и такимъ образомъ начался поворотъ въ дѣятельности Срезневскаго, какъ профессора; на помощь личнымъ симпатіямъ, связывавшимъ его съ его любимымъ предметомъ, выступило официальное положеніе избранника университета для изученія исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій.

Въ 1838 году, пока длилась переписка о новомъ назначеніи, И. И. Срезневскій продолжалъ читать лекціи по статистикѣ въ качествѣ адъюнкта. Въ это же время въ стѣнахъ университета рѣшалось близко затрогивавшее Измаила Ивановича дѣло о его докторской диссертациі. Написанная на тему „Должна ли политическая экономія зависѣть отъ статистики“, она между прочимъ проводила мысль о подчиненномъ положеніи политической экономіи по отношенію къ статистикѣ. Новизна и смѣлость воззрѣній автора возбудили противъ него большинство профессоровъ; окончательный приговоръ падѣ диссертацией былъ произнесенъ въ засѣданіи 16-го декабря 1837 г.: работа была отвергнута. Это рѣшеніе нанесло тяжелый ударъ самолюбію молодого профессора; но теперь жребій былъ брошенъ, и изъ двухъ дорогъ можно было уже съ увѣренностью выбрать ту, которая раньше страшила своею неизвѣстностью. 7-го января 1839 года Измаиль Ивановичъ сообщилъ въ совѣтъ университета о полномъ своемъ согласіи отправиться за границу для

изученія славянскихъ нарѣчій на тѣхъ условіяхъ, которыя были поставлены въ предложеніи совѣта и на которыя онъ съ поября мѣсяца не давалъ отвѣта. Длинный рядъ необходимыхъ формальностей отсрочилъ отправленіе Измаила Ивановича въ путешествіе еще на девять мѣсяцевъ. Между тѣмъ Измаиль Ивановичъ безостановочно продолжалъ учено-литературныя работы. Онъ напечаталъ первую книжку „Украинскаго сборника“ (1838), въ которой появилась впервые „Наталка Полтавка“ И. П. Котляревскаго, „Мартына Пушкаря“ (1838), „Сеймы“ (1838), „Изборники“ (1838), „Сближеніе религіи Персидской съ Египетскою“ (1839), „Историческое обозрѣніе гражданскаго устройства Слободской Украины“ (1839), „Аѳинскій языкъ въ Россіи“ (1839), свою диссертацию „Опытъ о предметъ и элементахъ статистики и политической экономіи сравнительно“ (1839), новый выпускъ „Запорожской Старины“, рядъ статей въ энциклопедическомъ словарѣ Плюшара, касающихся исторіи, географіи и этнографіи Малороссіи. Въ то же время онъ готовился къ путешествію, сдѣлалъ небольшую поѣзду по Украинѣ, чтобы, какъ онъ писалъ Снегиреву, въ этомъ маленькомъ путешествіи дать себѣ образчикъ того, что нужно будетъ сдѣлать впоследствии въ большемъ размѣрѣ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ наконецъ состоялось Высочайшее повелѣніе о командированіи его за границу на два года „для усовершенствованія въ исторіи и литературѣ славянскихъ народовъ“; обычная канцелярская волокита задержала путника на два мѣсяца, и только 17-го сентября Измаилу Ивановичу удалось выѣхать изъ Харькова. Такъ окончился первый періодъ его литературно-научной дѣятельности.

Участниками переписки И. И. Срезневскаго за первые годы его дѣятельности сначала были его близкіе родные—Осипъ Евсѣевичъ Срезневскій, К. А. Кускова, Е. П. Срезневская, затѣмъ университетскіе товарищи—братья Евецкіе, Росковшенко и Шнигоцкій. Среди этого пріятельскаго кружка явились на свѣтъ первые литературные опыты И. И. Срезневскаго—стихотворенія, небольшія статейки; среди того же кружка начались и этногра-

фическія его занятія; потому переписка пріятелей посила частью этнографическій, частью литературный характеръ. Затѣмъ, когда начальные шаги дѣятельности И. И. Срезневскаго показались въ печати его украинскія симпатіи, а „Запорожская старина“ завоевала вниманіе всей Малороссіи, къ числу этихъ корреспондентовъ прибавились лица, подобно ему интересовавшіяся украинской стариной—этнографы-любители, украинцы-патріоты; таковы были: Лисавицкій, Боровиковскій, Дмитрюковъ, Залѣсскій, Міоновичъ, Гоголь а потомъ И. Мазановъ, Костомаровъ, Метлинскій и др. „Запорожская Старина“, а за нею рядъ статей Срезневскаго въ „Сынъ Отечества“, въ „Утренней Звѣздѣ“, въ „Ученыхъ запискахъ Московскаго университета“, въ „Московскомъ Наблюдателѣ“, „Телескопѣ“, „Сѣверной Пчелѣ“—скоро раздвинули кругъ его знакомствъ и заняли сношенія съ столчными учеными и литераторами; таковы были Снегиревъ, Анастасевичъ, Пассекъ...

Сборникъ писемъ за первый періодъ дѣятельности И. И. Срезневскаго начинается его письмами къ матери, изъ которыхъ первое писано въ 1829 году, во время поѣздки въ Москву, послѣ сдачи кандидатскаго экзамена. Писемъ, относящихся къ болѣе раннему времени, въ бумагахъ И. И. Срезневскаго сохранилось всего три: это—письмо къ И. И. Срезневскому Осипа Евсеича Срезневскаго (1825 г.), бывшаго профессора Казанскаго университета, уволеннаго изъ университета при ревизіи Магницкаго, интересное по преимуществу, какъ матеріалъ для біографіи его автора; второе письмо (1827 г.) адресовано И. И. Срезневскимъ къ неизвѣстному лицу,—оно приведено въ отрывкѣ выше; этотъ отрывокъ и составляетъ все его значеніе; наконецъ третье письмо (1828 г.) писано И. И. Срезневскимъ къ его бабушкѣ Е. А. Кусковой,—въ немъ говорится о предположеніи И. И. Срезневскаго посвятить себя профессурѣ. Писемъ къ Е. И. Срезневской сохранилось чрезвычайно много; обильныя мелочами, подробностями жизни, они являются какъ бы отрывками, потому что мать съ сыномъ жили по большей части вмѣстѣ. Первый рядъ писемъ относится къ 1829-му году—

поѣздкѣ И. И. Срезневскаго въ Москву, второй рядъ (1832—1833) описываетъ жизнь И. И. Срезневскаго въ имѣньи Подольскихъ Варваровкѣ на Дѣпрѣ, гдѣ оя занималъ должность учителя; третій рядъ (1839) писанъ изъ его путешествія по Малороссіи. О Е. И. Срезневской и объ отношеніяхъ къ ней Измаила Ивановича Срезневскаго миѣ уже случилось говорить въ предисловіи къ Письмамъ И. И. Срезневскаго изъ заграницы 1839—1842. Е. И. Срезневская (рожд. Кускова † 1856 г.) была съ юныхъ лѣтъ И. И. Срезневскаго его единственнымъ наставникомъ и другомъ; И. И. былъ ею подготовленъ къ пансіону, ею воспитывался до самаго университета и послѣ университета продолжалъ находиться подъ сильнымъ ея вліяніемъ, въ большой съ нею дружбѣ. „Передъ нею“, писалъ Измаиль Ивановичъ въ 1870-хъ г.г., „не было у меня ничего затаеннаго“,—она „объятіями и слезами награждала меня за всякое откровенное слово, жила со мною одними радостями, одними горестями, тѣми же впечатлѣніями, сама отъ меня ничего не скрывая... Мы были только двое и жили другъ для друга. Не то чтобъ между нами не было невзгодъ; но вечеромъ при прощаньи слезами все омывалось; раньше или позже, иногда и очень поздно, мы все-таки оканчивали нашу бесѣду глубоко мирно,—и на утро для каждаго изъ насъ вставало свѣтлое солнце“. Эти слова ясно обрисовываютъ отношенія между матерью и сыномъ и даютъ понятіе о томъ, какой характеръ должна имѣть ихъ переписка.

Письма И. И. Срезневскаго къ Е. И. Срезневской.

1.

Дражайшая маменька! И такъ пролетѣлъ третій день, какъ я не вижу васъ болѣе; третій день уже тому, какъ нашею должностію сдѣлалась безпрестанная кибиточная тряска.—Уже пространство 250 верстъ разлучаетъ насъ.—Добрая маменька, вы повѣрите тому, что не смотря на всѣ удовольствія путеше-

ствія, воспоминаніе о спокойной жизни харьковской, объ удовольствіяхъ домашнихъ, о тѣхъ заботахъ, кои вы на насъ обращали и кои теперь я живо могу представить, наводятъ на меня уныніе; оно конечно улетаетъ, но не совсѣмъ: оно останется во мнѣ до тѣхъ поръ, пока снова верхи зданій харьковскихъ не представятся моимъ взорамъ. Великую благодарность я долженъ имѣть къ Ивану Николаевичу ¹⁾ за то, что онъ мнѣ доставилъ удовольствіе увидѣть большое количество родныхъ мнѣ по сердцу, по духу, по желаніямъ. Вы знаете, маменька, какъ я любилъ слушать рассказы ваши и Ивана Николаевича о милой моей родинѣ и о русскихъ; я желалъ, подобно птичкѣ полуденной, вскормленной на чуждой сторонѣ, полетѣть на свою невиданную родину; и полетѣлъ и чѣмъ далѣе ѣду, тѣмъ болѣе знакомлюсь съ нею.—Представьте, маменька, какъ должно биться мое ретивое. Мы уже въ Курскѣ. Вокругъ меня все русское, все меня занимаетъ; при томъ теперь воскресенье; все такъ разваряжено: богатые кокошники и другіе головные уборы, бѣлыя тонкія рубахи и разноцвѣтныя понявы, юпки и сарафаны безпрестанно попадаютъ на глаза. Я не въ силахъ выразить вамъ на словахъ всѣхъ чувствъ моихъ. Позвольте мнѣ это оставить до слѣдующихъ писемъ и до пріѣзда...

1829, іюля 7. Курскъ.

2.

Тула. Воскресенье 14 іюля.

„Не угодно ли купить какихъ-нибудь стальныхъ вещей? Есть прекрасные ножи перочинные, игольники, персгни, пе-

¹⁾ Иванъ Николаевичъ Соколовъ былъ близкимъ въ семьѣ И. Е. и Е. И. Срезневской и домашнимъ наставникомъ ихъ дѣтей. По словамъ И. И. Срезневскаго, это былъ человѣкъ сердечный, добрый, нѣсколько робкій. Сильно привязанный къ Измаилу Ивановичу, онъ всегда относился къ нему какъ къ равному, несмотря на значительное превосходство лѣтъ и, благодаря этому, былъ къ нему чрезвычайно близокъ; въ трудныя минуты жизни онъ являлся лучшимъ

чатки, подушечки дамскія, цѣпочки и много, много другихъ прекрасныхъ штучекъ; не угодно ли: и мило и дешево; право слово—останетесь довольны“. Вотъ первыя слова, которыми мы были засыпаны со всѣхъ сторонъ, едва только успѣли раздѣлаться съ хозяйкой о цѣнѣ комнаты. *Послѣ, послѣ*—былъ нашъ общій отвѣтъ: ибо мы спѣшили тогда въ церковь къ обѣднѣ; и такъ мы отъ нихъ отвязались, хотя не надолго. Мнѣ очень хотѣлось видѣть служеніе Архіерейское въ Тулѣ, но къ несчастію моему, Архіерей сегодня не служить. О соборныхъ пѣвчихъ скажу, что они далеко отстали отъ нашихъ харьковскихъ не только Архіерейскихъ, но и простыхъ соборныхъ.

Сегодня я проводилъ Ивана Николаевича до самой заставы и, простившись, хотя не надолго, съ нимъ, возвратился въ удивленную свою комнату. Давно не видался, скука явилась передо мною и надоѣдала мнѣ до тѣхъ поръ, пока я не принялся за диссертацию. Такимъ образомъ провелъ я часа два. Пришедшій ко мнѣ хозяинъ прервалъ мои занятія—„Эхъ, баринъ, баринъ, пріѣхалъ въ Тулу, а и поглядѣть на нее не хотите. Она очень даже красива, а ее проѣзжіе называютъ меньшею сестрою Москвы: Ну вотъ, напр., подите въ Англійскій садъ, тамъ на полугорѣ по кievской дорогѣ справа. Это чудо диковинное, а не садъ,—то то налюбуетесь“. И такъ я, какъ бы принужденный, надѣлъ мундиръ и пошелъ. Въ самомъ дѣлѣ, я нашелъ садикъ ихъ, лучше сказать, бульваръ—очень милой, хотя маленький. Кого же (спросите вы, можетъ быть) встрѣтилъ ты тамъ?—Нѣсколько кучъ разбѣленныхъ купчихъ въ староокройныхъ салопахъ и въ новомодныхъ манто, распомаженныхъ купчиковъ и сидѣльцевъ, десятка два долговизыхъ здѣшнихъ философовъ, столько же коротенькихъ и толстенныхъ гарнизонныхъ офицеровъ и двѣ или три дамы. Я скоро вышелъ изъ сада, почитаю лучшимъ побродить по городу и позѣвать на прекрасные дома, нежели на несносныя лица. Иванъ Николаевичъ говоритъ, что Тула есть

угбшвтелемъ Измаила Ивановича и Елены Ивановны и былъ необходимымъ для нихъ человекомъ.

уголокъ Москвы; а я, не видавъ Москвы, скажу, что Харьковъ есть только уголокъ Тулы. Улицы почти совершенно каменные, рѣдко встрѣчаются на иныхъ дома деревянные, а если и есть, то по большей части двухъ-этажные. Вотъ кажется все, что могу я написать Вамъ, милая маменька, теперь изъ Тулы.

3.

Дражайшая маменька! И такъ послѣ долгаго странствованія мы прибыли въ субботу, въ праздникъ св. Ильи, въ огромную древнюю столицу нашу. Вы можете, милая маменька, представить мое восхищеніе, когда въ первый разъ я увидѣлъ вдали златыя главы безчисленныхъ церквей московскихъ. Тридцать верстъ, еще остававшіяся до нея, показались мнѣ трехстами. Три раза манила сія величественная башня насъ къ себѣ, и три раза опять скрывалась или за рощами и садами, или за подмосковными дачами; наконецъ, показалась опять и до сихъ поръ еще не скрылась отъ взоровъ моихъ. Третьяго дни мы были на Иванѣ Великомъ. Оттуда я видѣлъ Москву во всемъ ея величїи. Не берусь ее вамъ описывать: это превосходитъ мои силы.

Утромъ въ воскресенье я поѣхалъ къ почтеннѣйшему Льву Алексѣевичу ¹⁾ Онъ меня принялъ очень ласково, разспрашивалъ о васъ, о мнѣ, о сестрѣ и братѣ, удивился тому, что я такъ скоро получилъ степень кандидата, между тѣмъ какъ сыновья его не кончили еще курса; наконецъ приказалъ переходить жить къ себѣ. Такъ я провелъ съ нимъ и его сыновьями нѣсколько часовъ. Скоро послѣ того мы поѣхали съ нимъ и

¹⁾ Левъ Алексѣевичъ Цвѣтаевъ—профессоръ правъ знатнѣйшихъ древнихъ и новыхъ народовъ († 1835 г.). Онъ былъ знакомъ съ И. Е. Срезневскимъ по университету, гдѣ учились одновременно (первый кончилъ курсъ въ 1798 г., второй въ 1796 г.), затѣмъ въ 1797 г. Срезневскій былъ принятъ въ университетскій институтъ бакалавромъ; ту же степень Цвѣтаевъ получилъ въ 1798; такимъ образомъ, послѣ года жизни внѣ Москвы они могли возобновить свои сношенія, что и продолжалось до 1801 г., когда Цвѣтаевъ уѣхалъ за-границу.

сыновьями обѣдать къ профессору г-ну Ивашковскому, ¹⁾ который знавалъ очень коротко моего папеньку. Въ пять часовъ того же дня я уже совершенно перешелъ жить къ милымъ товарищамъ моимъ и до сихъ поръ провожу время очень весело. Каждый день хожу къ Ивану Николаевичу и почтеннѣйшей тетушкѣ его, а вечеромъ возвращаюсь въ милый кругъ семейства Льва Николаевича, гдѣ я принятъ совершенно какъ родной...

Москва, 1829, июль 27.

Р. С. Сегодня утромъ иду разсматривать кабинеты. Послѣ обѣда поѣду въ земледѣльческій хуторъ къ профессору Павлову, ²⁾ который звалъ меня къ себѣ въ гости.

4.

Старья Водолан. 45 верстъ отъ Харькова.

Здравствуйте, маменька! здравствуй, братъ! Не знаю, что будетъ далѣе, а до сихъ и скучно и грустно,—болно грустно. Такъ и полетѣлъ бы назадъ въ мой родимый Харьковъ. Жестокость уединенія—вы знаете, что я никогда еще не испытывалъ оной, живучи около васъ, въ кругу добрыхъ пріятелей—и вдругъ тяжкая разлука, тяжелое одиночество! Теперь нѣтъ уже у меня ни маменьки, ни брата, ни Іосифа Афанасьевича. Я одинъ, какъ былина въ полѣ: некому сказать добраго слова, некому излить своихъ чувствъ, а ихъ у меня, безчувственнаго, набралось теперь много, и все такія лдовитыя.

У моего теперешняго хозяина—сынъ миленькій, восьмилѣтнее дитя. Я радъ встрѣчѣ съ этимъ ангеломъ: онъ утѣшаетъ

¹⁾ Семень Мартыновичъ Ивашковскій, профессоръ греческаго языка и древностей († 1850 г.); онъ былъ сослуживцемъ И. Е. Срезневскаго по Академической гимназіи (съ 1801 по 1804 г.).

²⁾ Знаменитый агрономъ и профессоръ физики и сельскаго хозяйства въ Московскомъ университетѣ Михаилъ Григорьевичъ Павловъ († 1840 г.).

меня не пошлыми фразами: чего грустить! перестань". Нѣтъ, его утѣшеніе совсѣмъ другого рода: дѣдовская бандура въ его рукахъ, бѣглые пальчики его быстро перебираютъ струны, а онъ самъ певинною улыбкою поетъ мнѣ:

Вѣютъ вѣтры, вѣютъ буйны и пр.

"Играй, душенька, а я напишу нѣсколько словъ", — и слеза невольнаю капнула на этотъ листокъ. Прочтите, непременно прочтите, маменька-голубушка, эту пѣсню: братъ или Іосифъ Афанасьевичъ¹⁾ укажетъ ее. Что за пѣсни! Молодой козакъ простился уже съ своей матерью, съ сестрою, своей милою, — и вотъ онъ мчится, одинокій, по пространной степи — и долгогривый конь его, чуя близость земли вражеской, изрываетъ копытами землю и пылью закрываетъ отъ молодого воина даль родимую, — но пыль не занесетъ звуковъ: козакъ слышитъ прощанье матери, тоску сестры, слезы милой — и мчится быстрѣе къ землѣ враговъ своихъ... Дочтете сами...

Константиноградъ, въ 50 верстахъ отъ Водолазъ.

Я никакъ не ожидалъ отъ хохликовъ того, что вижу, т. е. видѣлъ.

Другой примѣръ: одинъ въ Мерефѣ, другой въ Водолагахъ, хуторъ. Я говорю о любви къ музыкѣ. Тамъ меня забавлялъ Митя, восьмилѣтній мальчикъ — здѣсь восхитилъ гуслими самъ хозяинъ хутора. Вообразите себѣ рослаго мужчину, лѣтъ подъ сорокъ, съ подрѣзанною бородкой, небольшими карими глазами, которые сверкаютъ, какъ могильные огни, какъ *тилушки*, съ римскимъ посомъ и густыми темнорусыми усами, ловкаго, виднаго — вотъ игрокъ; а игра — не могу судить, ибо не знатокъ въ музыкѣ; скажу только, что я не слышалъ подобной игры. — Въ благодарность я напоилъ его пуншемъ.

¹⁾ І. А. Джунковскій — цонсіонскій товарищъ И. И. Срезневскаго; см. о немъ въ моей замѣткѣ «Изъ первыхъ лѣтъ научно-литературной дѣятельности И. И. Срезне-го», с. 6—7.

Теперь я въ Константиноградѣ. Комната прелестна, и болѣе всего потому, что за тоненькой дверью, въ другой комнатѣ—другая прѣѣзжая въ каретѣ—изъ Руси,—красавица. И что у нея за голосъ! Пишу, и не могу не слушать, какъ она разговариваетъ съ дѣвкой. Нѣжность, пріятность, и пр. и пр. и пр., какъ написано въ подорожной.

Дорога изъ хутора въ Константиноградъ мнѣ показалась слишкомъ длинна, и потому я заблагоразсудилъ дремать; я бы и заснулъ, если бы не боялся потерять что-нибудь. Однако и дремля, я видѣлъ сонъ: видѣлъ васъ, брата, Жозефа и нѣсколько разъ все то же и одно; наконецъ, до того, что, очнувшись и поговоря слова два три съ Романомъ, я какъ будто ждалъ кого, какъ будто мы всѣ вмѣстѣ и только на время, до того времени, пока я переговорю съ человѣкомъ, что нужно, вы скрываетесь отъ меня. Еще одна странность: и въ Мерефѣ и въ Водолагахъ мнѣ слышится голосъ Ивана Петровича: и я два раза принужденъ былъ выбѣгать опрометью изъ кибитки, дабы удостовѣриться, что это не онъ—хотя бы я желалъ, чтобъ это была неправда. Однако моя незнакомка опять заговорила. Послушайте, Иосифъ Афанасьевичъ—вотъ настоящее московское нарѣчіе.

—
5.

11 часовъ утра. Пятница.

Станція Вшивая, въ 22 верст. отъ Константинограда.

Всю дорогу отъ Константинограда до Вшивыхъ—дождь мочилъ васъ порядкомъ, впрочемъ не веѣмъ досталось; болѣе всего Роману, котораго хоть выжми. Ну, Вшивая! Названіе совершенно сходно съ качествомъ деревни. Такихъ жилищъ я еще не виывалъ, и въ нихъ живутъ малороссіане! Впрочемъ такому житію виноваты они сами. Дорога столбовая, проѣзжающихъ чрезвычайно много—выгоды можно получать большія, по эта проклятая лѣнь, или, какъ говоритъ Иосифъ Афанасьевичъ, гордость примѣшалась и тутъ,—и людей превратила въ свиней:

инныя свинки лучше живутъ. Однако, вы не подумайте, маменька, что-бъ я остановился въ землянкѣ. Никакъ нѣтъ-съ. У меня прекрасная комната, изукрашенная картинками, образомъ, съ презрядною мебелью. Какъ же это такъ? Откуда такая роскошь среди омерзительной бѣдности? Постоялый дворъ, въ коемъ я остановился, содержится русскимъ, и слѣдовательно смышленнымъ человѣкомъ. Онъ говорилъ мнѣ, что не проходитъ дня, чтобы онъ не видалъ у себя десятка новыхъ гостей; а иногда и зачастую набирается полный дворъ и полный домъ. Правда, у него гостей было бы меньше, если бы мужики завели постоянные дворы; пока онъ одинъ содержитъ.

12 часовъ.

Ко мнѣ въ гости, т. е. въ мою комнату, вошли гости... два купца, и попиваютъ водку. „Кушайте, братцы, а я закурю трубку“. Наскучило читать Гердера. Пора отдохнуть.

Голубовки, въ 36 верстахъ отъ Вишвой.

Дождь гудеть, словно старая вѣдьма; но я спокоенъ: мы уже у мѣста ночлега. Не знаю, хороша ли, худа деревня, въ которой привелось мнѣ ночевать,—то же скажу и о хозяевахъ, которыхъ еще не видалъ; но не то должно сказать о хатѣ: огромная, чистая; стѣны, потолокъ, полъ, окна—разрисованы желтою глиной, благоуханіе васильковъ, мяты и пр.—словомъ прелесть хата; Полтавскую губернію нельзя сравнивать съ Харьковскою: дичь, глушь, невѣжество, безконечныя стени, по которымъ вмѣсто хуторовъ разставлены стога сѣна, печальные курстарники, дубовые и лозовые, вѣчные несносныя бугры, вѣчные мостики и плотинки—строенныя вѣрно для чертиковъ и то бутылочныхъ, согнившіе дорожные столбы, землянки, стада свиней, болота, наконецъ эта несносная грязь—и я не знаю, что можетъ быть незанимательнѣе!.. То ли дѣло наша Харьковская: рай противъ ада.—Въ Перещепинѣ, казенномъ селеніи, я переѣзжаю рѣчку Орель. Окрестности ея почти живописны; но занимательны болѣе всего по историческимъ происшествіямъ, до

сихъ поръ еще памятнымъ яроду и самой землѣ, посящей на себѣ свидѣтельство былого—курганы. Одинъ кзъ сихъ послѣднихъ, подъ которымъ, по преданію народному, татарскій воевода находится, находится на самой долині, и лѣтъ за десять былъ чрезвычайно высокъ; но съ того времени сталъ примѣтно уменьшаться, ибо землю его употребляютъ на засыпку болотъ по дорогамъ. Можно бы вмѣсто этого употребить и навозъ, по навозъ здѣсь дорогъ. Верстахъ въ 4-хъ отъ Перещипина есть батарея изъ числа бѣлогородскихъ, выстроенныхъ при Федорѣ Алексѣевичѣ отъ набѣговъ татаръ.

Малороссіяне чрезвычайно похожи на нѣмцевъ. Я былъ свидѣтелемъ, какъ четверо чумаковъ изволили пить пиво. Купили только полъ кварты и пили по крайней мѣрѣ $\frac{1}{2}$ часа, съ такимъ вкусомъ, съ такимъ чванствомъ, какъ будто нектаръ. Приобрѣтенія мои объ Украинѣ слишкомъ скудны: въ Водолажскомъ хуторѣ списалъ три пѣсни и одну думу; во Вшивой пять пѣсенъ—и только. Правда, что пѣсни всѣ историческія, но все слишкомъ мало; я ожидалъ болѣе. Романъ меня увѣряетъ, что я наберу много въ Варваровкѣ. Онъ самъ берется мнѣ служить въ семь случаевъ. Если-бъ да когда бы!—Слышалъ сказку о Серпягѣ, пояснившую мнѣ какъ нельзя лучше одну думу; слышалъ нѣсколько мифологическихъ преданій, записалъ двѣ страницы поговорокъ, вписалъ нѣсколько словъ въ лексиконъ—вотъ и все.—Однако прощайте, маменька. Пора спать. Завтра рано надобно вставать; при томъ же и ночникъ догораетъ. Прощайте.—Что то подблываетъ теперь Іос. Афанасьевичъ! Ужели вы въ Деркачахъ? И ужели и васъ тоже мочилъ дождь, какъ меня грѣшного?

—
Новомосковскъ. Суббота, 12-й часъ утра.

Остается только 60 верстъ; однако едва ли можно будетъ поспѣть туда, куда должно, т. е. въ Варваровку. Слава Богу, дождь пересталъ; а помочилъ бѣдныхъ васъ не на шутку.—Новомосковскъ—преизрядный городокъ. Комнатка, въ которой

я остановился—чудо; штукатурная, все въ картинахъ—можете представить, какого рода—прекрасная мебель—именно, чудо.

Какая жалость,—почта въ Харьковъ отошла изъ Новомосковская вчера, и потому вы получите это письмо черезъ недѣлю.

Екатеринославская губернія совсѣмъ не то, что Полтавская. Тѣ же степи, но не то. Жители всѣ почти богатые; табуны лошадей, гурты рогатаго скота, овецъ—встрѣчаются безпрестанно. Сѣнокосы превосходны. Природныя поля усѣяны курганами, особливо долина Самарская, на которой теперь пасутся татарскіе кони, пригнанные на продажу. На Спаса въ Новомосковскѣ ярмарка.

Только что у меня былъ мой хозяинъ. Молодчина.—Лѣтъ 60-ти, статный, величественный, такъ бы гетманскую булаву, да на коня; этакого украинца я еще не видалъ. Но болѣе всего понравился онъ мнѣ своею готовностью служить мнѣ, какъ собирателю всего украинскаго. Во-первыхъ, онъ мнѣ наговорилъ пропасть преданій о Самарѣ. У меня сердце билось крѣпко, когда онъ мнѣ ихъ рассказывалъ; потомъ продиктовалъ пѣсню про рѣку Самару, наконецъ думу. Обѣщаетъ еще. Я напою его кофіемъ—и, вѣрно, получу, что хочу.

Пишите, сдѣлайте одолженіе, пишите мнѣ по слѣдующей почтѣ. Хоть вѣсточку отъ васъ получить, если приходится не видѣться. Да пишите побольше! Вотъ увидите, какія письма буду писать я къ вамъ, лишь бы распорядиться порядкомъ на мѣстѣ. Теперь простите, что пишу не много: теперь и времени нѣтъ, и мѣста нѣтъ иногда, а всего болѣе не о чемъ. Іосифу Афанасьевичу напишу изъ Варваровки варварское письмо. Пусть только читаетъ да по субботамъ разбираетъ. И теперь бы написалъ, да, право, не хочется. Къ тому же, пообѣдавши, мы поѣдемъ въ путь дороженьку, а потому если-бъ и захотѣлъ, то немного бы успѣлъ. Ожидаю отъ Іосифа Афанасьевича философико-политическаго письма, которое конечно будетъ написано чисто, аккуратно, безъ мараксъ и канцелярскихъ украшеній. Прошу его не мудрить, а просто писать, что на умъ взошло, точно въ такомъ видѣ, въ такихъ выраженіяхъ, какъ взошло на умъ, и ваче вся-

кое письмо Іосифа Афанасьевича стоять будетъ по крайней мѣрѣ четверти дести почтовой бумаги; а вѣдь это не выгодно. Объявляю также Іос. А—у, что его Гердеръ немного подмокъ, хоть и не замарался, и прошу въ этомъ великодушнаго извиненія.

6.

Варваровка. Понедѣльникъ. 7 часовъ утра.

Третій разъ здравствуйте, милая маменька! Я уже на мѣстѣ. Комната моя почти прибрана. Книжки, тетради, платье—все въ порядкѣ. Остается принять на себя учительскія обязанности—и дѣло будетъ кончено. Пока еще я какъ гость въ домѣ Подольскихъ, хоть и гость коротко знакомый, а слѣдовательно о своихъ хозяевахъ не могу иначе судить, какъ о помѣщикахъ, меня принявшихъ подъ свой кровъ для того, чтобъ вмѣстѣ проводить веселѣе время. Въ семь отношеній и онъ и она—люди предобрые, простые, веселые, люди—какихъ не надобно лучше. Что касается до другихъ отношеній, то я не скажу ничего, ибо ничего не знаю: увижу, посмотрю, напишу.

Вчера послѣ обѣда (я пріѣхалъ утромъ, часовъ въ 11-ть) мы съ дѣтьми ѣздили верхомъ по берегу Диѣпра. Мѣста прелестныя, очаровательныя. Диѣпръ разлился на двѣ версты въ этомъ мѣстѣ. Можете себѣ представить, какая бездна воды. Но эти широкія волны не льются, а кипятъ. Ревъ пороговъ подобенъ—право не придумаю, съ чѣмъ сравнить его.—Представьте себѣ отрядъ всадниковъ, пробирающихся съвозъ чащу: шестель листовъ, цокъ копытъ конскихъ, храпѣнье коней, говоръ всадниковъ, крикъ повелительный начальника—все это вмѣстѣ—и вы будете имѣть небольшое понятіе о порогахъ. Впрочемъ къ нимъ должно присмотрѣться, прислушаться: съ перваго раза они незамѣтны, непоразительны.

Если кто знаетъ Екатеринославскую губернію только по берегамъ Диѣпра, тотъ можетъ подумать, что населеніе оной чрезвычайно. Съ моего балкона видно четыре деревни и два села, одно подлѣ другого. Селеніе Синельниково на другой сторонѣ—лучше другихъ—однихъ господскихъ строеній 17.

Я уже говорилъ Катеринѣ Романовнѣ¹⁾ о поѣздкѣ, предполагаемой мною, въ Александровскъ. Она согласна, даже болѣе нежели сколько я желалъ. За Александровскомъ есть мысъ Кичкась,—очаровательное мѣсто! Днѣпръ течетъ между двумя скалами, одно отъ другой не болѣе какъ на 60 сажень. Этотъ мысъ находится отъ Варваровки въ 40 верстахъ.

—
5 августа. Четвергъ.

Уже два дни я учу—и не могу сказать, чтобы это было обременительно. Все дѣло состоитъ въ задаваніи и спрашиваніи уроковъ. Дѣти понятливы, хоть и лѣнивы, но я задаю крошечные уроки, и они очень довольны, и я также доволенъ. Мнѣ остается заниматься болѣе 6 часовъ. Предовольно! Вотъ какъ истекаетъ день будничный: встаю съ восходомъ солнца, выхожу на балконъ, читаю Гедера. Умываюсь, одѣваюсь—иду пить кофе (для меня варится маленькій кофейникъ и особая кострюлька сливокъ превосходнѣйшихъ), ухожу къ себѣ, опять читаю Гедера. Занимаюсь съ дѣтьми и въ то же время пишу къ вамъ письмо. Отпускаю дѣтей гулять и занимаюсь. Обѣдаю въ 1-мъ часу. Пообѣдавши, иду въ гостинную и болтаю съ Иваномъ Тимофеевичемъ и Катериною Романовною; потомъ отправляюсь на верхъ за ученіе на полтора часа. Всякое послѣобѣда ученіе состоитъ въ упражненіи въ языкахъ и въ чтеніи. Во время ученія пишу къ вамъ письмо. Отпустивъ дѣтей, занимаюсь. Потомъ верхомъ прогулка верстъ 6, 7 или болѣе. Потомъ чай, болтанье,—наконецъ, иду домой и еще часа два занимаюсь. Наконецъ—bonne nuit.

Я очень радъ, что поѣхалъ въ Варваровку. Не знаю, каково мнѣ будетъ жить; но что я накоплю пропасть, цѣлую пропасть для своей украинской скрини, то это также вѣрно, какъ $2 \times 2 = 4$. Даже самыя дѣти мнѣ радушно помогаютъ. Я скажу болѣе: Украины нельзя узнать порядочно, не бывши въ этихъ

¹⁾ Е. Р. Подольская.

мѣстахъ; нельзя узнать порядочно запорожцевъ, не бывши на порогахъ.

7.

Четвертъ. 5 число августа, 1832. Варваровка.

Только что отдалъ письмо подъ № 3. Еще оно не отъѣхало изъ Варваровки,—можетъ быть даже сегодня и не уѣдетъ, а я уже принимаюсь за новое письмо. Видите, милая маменька, что я не совсѣмъ неаккуратенъ. Я за непремѣнное правило почелъ себѣ каждый день писать къ вамъ хоть по нѣскольку строчекъ. До сего времени все еще исполняю свое правило. Долго ли то это будетъ продолжаться!—Сегодня передъ обѣдомъ въ Варваровку пріѣхалъ офицеръ Путей Сообщенія. Онъ ѣдетъ по Днѣпру для обозрѣнія пороговъ. Правительство предполагаетъ прорыть оныя. О баркахъ нечего и говорить: за все время моего здѣсь пребыванія я видѣлъ только одну, и то всѣ удивились и разсматривали оную, какъ чудище морское.

Вечеръ.

Пусть Іосифъ Афанасьевичъ судить о воспитаніи,—я хотѣлъ сказать, образованіи офицеровъ Путей Сообщенія. Они проходятъ полный курсъ математики, въ томъ числѣ и астрономію,—я же, грѣшный, въ астрономіи знаю столько же, сколько и днѣпровскіе раки;—и я грѣшный побѣдилъ новоприбывшаго офицера въ астрономическомъ преніи о системѣ міра. Не хватъ ли я? По крайней мѣрѣ, я удивляюсь своей смѣлости. И что же я доказывалъ ему? Какъ ты думаешь, братъ? А вотъ что: послушай. Я доказывалъ, что земля, и всѣ планеты, и всѣ спутники имѣютъ форму не круглую, а подобную воздушнымъ шарамъ т. е. ∇a ; и что a есть сѣверный полюсъ, въ которомъ находится огромный гранитъ, заключающій въ себѣ весь магнитъ земного шара. Одно изъ доказательствъ: обращеніе магнитнаго полож. конца стрѣлки къ сѣверу; другое: неправильность фигуры луны въ началѣ видимости оной, равно, если не болѣе, при ущербѣ; и онъ наконецъ согласился, оставивъ за собою только слово *тяготѣніе*, которое я назвалъ неправильнымъ тер-

миномъ, а вмѣсто онаго въ общемъ смыслѣ представилъ *равно-*
весіе, а въ частномъ—силою самостоятельной подвижности. При-
шедши въ свой кабинетъ, я не могъ не расхохотаться и запѣлъ,
невольно запѣлъ.

„Ой ревнули коровы, край порога стоя.“—Пѣсня моя уже
кончена. Строка въ письмо ваше вписана. Остается взглянуть
на пороги, освѣщенныя теперь луною, послушать ихъ грохотъ,—
и лечь въ постель за Сѣвер. Пчелу, пожелавши вамъ спокойной
ночи и радостныхъ сновидѣній.

Пятница.

Послѣ обѣда уѣхалъ офицеръ, и мы остались одни. Сегодня
я занимался съ дѣтьми не болѣе трехъ часовъ въ день; впрочемъ
они весь день со мною, хоть и не мѣшаютъ. Одинъ рисуешь,
другой читаетъ. Всякій занятъ своимъ дѣломъ, и я своимъ, другъ
другу не мѣшаемъ, и все идетъ ладно. Если такъ будетъ про-
должаться, то мнѣ хорошо. Ахъ, только васъ, одной васъ не
достаешь, маменька. Были бы вы, и я бы совсѣмъ былъ чело-
вѣкъ какъ надобно, а теперь, или отъ непривычки, или отъ на-
стоющаго чувства любви къ вамъ, не могу не грустить, особенно
когда одинъ. Повѣрите ли, я въ забывчивости нѣсколько разъ
выходилъ изъ своей комнаты, думая, что иду въ вашу поло-
вину,—но разочарованіе какъ тутъ, и я повѣся голову продол-
жаю ходить по своей комнатѣ одинъ одиноконекъ.—Гулять се-
годня не ѣздилъ, а ходилъ къ Ив. Тим. и Кат. Романовѣ смот-
рѣть постройки. Для вновь купленныхъ русоветовъ (?) строятся
два деревни на берегу Днѣпра.

Воскресенье.

Я забылъ вчера сказать вамъ, что я былъ вчера на *Ти-*
инькѣ, т. е. въ лѣсу, который принадлежалъ запорожцамъ, что
доказываютъ остатки землянокъ, а теперь Синельникову. Видъ
съ горы прелестный.—Скоро, скоро на Кичкасъ. Тамъ ли виды!
Мы поѣдемъ съ старшимъ сыномъ въ бричкѣ, возьмемъ съ со-
бою три сѣдла. Приѣхавши въ Александровскъ, лошадей осѣд-
лаемъ и съ Мих. Иванов. (Кривицкимъ) отправимся стран-
ствовать.

Варваровка. 14 сентября.

Сегодня Воздвиженье, большой праздник. Каково-то вы проводите его? Скучно-ли, весело-ли? Я провела довольно скучно, исключая вечера. Собравшись въ семейный кружокъ, мы прочли письмо Бестужева „Сибирь и Кавказъ“, говорили, смѣялись.—Надобно знать: Иванъ Тимофеевичъ большой балагуръ, и умѣетъ прекрасно рассказывать. Между тѣмъ дѣвки на одной, лакеи на другой галлерей составили хоры—и поютъ и пляшутъ. Въ деревнѣ хоры раздаются также. Неясотецъ поетъ также свой немолкаемый хоръ,—и весело и скучно, или лучше сказать грустно: если-бы вы были тутъ же. Это бы и возможно, и очень возможно, но я боюсь, чтобы всѣмъ здѣсь не наскучило, а болѣе не понравилось. Кромѣ того зима и домъ холодный—хозяйка мои переберутся во флигель, а я съ лѣтними въ двѣ небольшихъ комнатки внизъ—эти комнатки немного теплѣе другихъ. И такъ, маменька,—я боюсь за ваше здоровье въ этомъ климатѣ, здоровомъ для здоровыхъ, вредномъ для слабыхъ. Иногда бываетъ такой туманъ, что не разберешь ничего въ двухъ шагахъ отъ себя. По Днѣпру каждое утро ходятъ цѣлыя горы тумана, и роса падаетъ съ крышъ, какъ отъ поридочнаго дождя.

16 сент. Четвертъ.

Простите меня, добрая маменька, что я часто пишу неразборчиво. Постараюсь избавиться отъ сего порока; а причиною сему, право, не недостатокъ уваженія къ вамъ, а глупая вѣтренность, отъ которой я никакъ не отвяжусь. Что пишетъ Иванъ Николаевичъ? Почему такъ рѣдко удостоиваетъ меня своихъ вѣсточекъ Іосифъ Аф.? Просилъ бы и брата—о томъ же; но боюсь его. Можетъ быть, онъ сердитъ на меня, что я не пишу къ нему отдѣльных писемъ. Хорошо, буду писать къ нему отдѣльно, только пусть онъ не забываетъ брата отшельника. Нѣтъ, когда переѣдемъ весною въ городъ, я буду жить дома. И куда какъ веселѣе! Тутъ, какъ ни просто, а все требуется осторожность; даже самая ласка и готовность сдѣлать все для меня, и

она мнѣ кажется приторною: она чужая—и корыстная. Вы знаете мою любовь спорить—а теперь не съ кѣмъ. То-ли бывало какъ съ Іос. Аф. заведемся!—Отнюдь нѣтъ-съ, я никогда не спорилъ съ Из. Иванъ!“—Іос. Аф. вѣрно сказалъ это, если онъ слушаетъ это мараніе.

Занимайся, братъ, хорошенько, плотно, какъ говорится. Можетъ быть, случится нѣкоторая перемѣна въ нашемъ состояніи, поважнѣе той, которая случилась со мною по случаю отъѣзда въ Варваровку. Можетъ быть мы переѣдемъ въ Москву. Маменька, вѣрно, не откажется оставить душный Харьковъ. Я увѣдомлю обо всемъ подробно, тогда когда узнаю самъ хорошенько. Занимайся потому хорошо, что надобно перейти въ Москов. университетъ съ хорошимъ свидѣтельствомъ изъ здѣшняго: иначе не переведутъ въ третій курсъ. Относительно твоего подвига съ Венедиктовымъ—не скажу ничего, ибо не понимаю этого человѣка. Впрочемъ, говорятъ, онъ добрый человѣкъ. Будь остороженъ. Что касается до твоего отвѣта педелю,—то я очень обрадованъ,—и желаю, чтобъ ты былъ всегда таковъ.

9.

Варваровка. 1832. Сент. 27.

Здравствуйте, почтеннѣйшая маменька! Мнѣ сегодня скучно,—и я принялся за лучшее свое удовольствіе—писать къ вамъ. Ахъ, маменька вы не повѣрите, какъ мнѣ грустно! И самъ не знаю: чего! Нѣтъ, знаю: я далеко отъ васъ. Такъ и желалъ бы скорѣе къ вамъ.

Настоящая жизнь моя течетъ тремя колеями: учу—занимаюсь—живу, т. е. сплю. Именно во снѣ, т. е. въ мечтахъ, и живу я, какъ-бы желалъ жить, среди родныхъ, безъ горестей, безъ заботъ, безъ этой проклятой скуки, которая наполняетъ табачнымъ чадомъ и комнату, и голову, и кромѣ чаду ничего въ ней не поселяетъ. Чѣмъ болѣе живу здѣсь, тѣмъ несноснѣе,—не потому, что мнѣ худо. Нѣтъ: хозяйева мои люди прекрасные, сердятся, когда я церемонюсь, ловятъ мои желанія—однако все чужіе: некому повѣрить мнѣ ни своихъ чувствъ, ни своихъ мы-

слей; и мысли и чувства чахнуть; и между тѣмъ какъ бы мнѣ ни было скучно, я долженъ казаться веселымъ, ибо Иванъ Тимофеевичъ скучаетъ безъ меня, и слѣдовательно должность моя, веселить его,—должность иногда очень непріятная; особливо теперь: читать ему нечего; а рассказы наши обыкновенно касаются до 2-хъ предметовъ: христіанской религіи и вѣрности супружеской. Разговоръ о первой всегда одинъ и тотъ же, тотъ же и одинъ, только въ разныхъ формахъ; а о послѣдней любопытно, и то можетъ быть не всегда, рассказывать тѣмъ, кои знаютъ счастье и несчастье оной. Иногда я стараюсь разнообразить разговоръ, говорю о сложеніи горъ, а нареченной невѣсты моей, княгини Бѣлосельской, и нареченномъ супругѣ оной князѣ Срезневскомъ - Бѣлосельскомъ, о падающихъ звѣздахъ, о подвигахъ запорожцевъ,—и все это такъ скучно и такъ неизбѣжно, какъ и прогулка въ новопостроенную деревню, прогулка, во время которой, завернувшись въ плащъ, повторю: да, точно, прекрасно, считаю камни по дорогѣ и глазами мѣрю оставшееся разстояніе.

На прошлой недѣлѣ я послалъ въ „Телескопъ“ статью свою подъ названіемъ: *Первоначальное образованіе Слободско Украинскихъ полковъ во время царя Алексѣя Михайловича*, съ подписью: *И. С. Варваровка*.¹⁾ Если будетъ напечатана, то сдѣлай одолженіе, увѣдомь, братъ, меня, и сколько она заняла мѣста.

Бывши съ Михайломъ Ивановичемъ на Кичкасѣ, мы подходили къ знаменитой пещерѣ, называемой „школой“. Видъ ея удивителенъ. Названа потому, что въ ней когда-то нашли книгу. Если вамъ будетъ угодно послушать сказокъ про нее и про другія вещи,—то извольте: въ каждомъ письмѣ найдете по кусочку, и тѣмъ болѣе будетъ кусочекъ, чѣмъ менѣе будетъ предметовъ для письма. Вотъ напр. теперь думаю, думаю, что бы написать: конечно, рѣшительно нечего.

¹⁾ Напечатано не было. Того же вопроса И. И. С.—ій касается въ статьѣ «Историческое обозрѣніе гражданскаго устроенія Слободской Украины» со времени ея заселенія до преобразованія въ харьковскую губернію (Харьк. губ. вѣд. 1839).

Октябрь 19, 1832. Варваровка.

Боже мой, что за сосѣди здѣсь! Невзъяснимые люди! Непостижимые люди! Вотъ одинъ—багровое лицо, сизый носъ опухшіе глаза, засмаленный фракъ, спитый по модѣ 1820 года и лжетъ на каждомъ словѣ; выдаетъ себя за зватнаго барина, за богача—и весь въ долгахъ; выдаетъ за умника, за каламбуриста, и городить такую чепуху, что уши вянуть. Имѣетъ много дѣтей,—два въ корпусѣ, дочь окончила воспитаніе въ Екатер. пансіонѣ, говоритъ по гасконски, играетъ на фортепіано, перелистываетъ французскія книжки, съ отцемъ обращается какъ съ управителемъ,—и уродъ лицомъ. Она ѣздила съ отцемъ въ Екатеринославъ на выборы—сама въ каретѣ, отецъ сзади на дрожкахъ; караванъ довершается волами, кои тянутъ пустую карету для грядущаго жениха. Вотъ другой—статскій служака—получилъ имѣніе за женою. Жена полуумная, бѣситъ каждое новолуніе; но онъ равнодушенъ—онъ радъ жениному имѣнію, хотя оно и все въ долгахъ. Онъ думаетъ объ однихъ барышахъ—14-лѣтнюю дочь свою отдалъ за 50-лѣтняго, брюзгу, только потому, что у этого брюзги 40 душъ. Вотъ третій—баба торговка въ три обхвата, пузо не умѣщается на колѣняхъ,—у нея дочь въ два обхвата—по словамъ маменьки—18-ти лѣтъ, но отъ роду не менѣе 25-ти, объявляетъ, что у нея книжка есть: сказка о 7 братьяхъ; щеголяетъ на таратайкѣ въ 150 рублей, солом. шляпѣ, а всего владѣвій 2½ души. Вотъ 4-й—старикъ лѣтъ шестидесяти, забылъ жену, забылъ дѣтей, завелъ гаремъ,—и съ прелестницами играетъ въ горѣлки—владѣетъ 3000 душъ.—Но къ чему распространять описанія?—По крайней мѣрѣ, вы можете судить о сосѣдствѣ нашемъ и объ удовольствіи, какое можно находить въ подобномъ кругу. Ахъ, еслибъ только скорѣе къ вамъ.—Вотъ ужъ два мѣсяца только осталось! Пройдутъ и они!..

А между тѣмъ уже три недѣли,—и нѣтъ отъ васъ вѣсти! Что бы это значило? Знаете что, маменька,—адресуйте иногда

письма на имя Ѳедора Степановича Евецкаго, Екатеринославъ, съ передачей мнѣ. Это будетъ вѣрнѣе и скорѣе. Посылки въ Екатеринославъ у насъ часты. Иногда раза два въ недѣлю: а въ Новомосковскъ иногда и въ три недѣли разъ только посылають. Вѣдь это скучно и горько: и есть письмо, да не получаешь.

Спасибо Евецкому, онъ меня снабжаетъ книгами,—и мы теперь съ нимъ ведемъ преаккуратную переписку. Я очень этому радъ.

11.

15 ноября. Варваровка.

Я провожу время уже не такъ скучно, какъ прежде. Ближе и ближе я освоюсь съ милымъ семействомъ моихъ хозяевъ,—и дѣйствительно,—принять какъ родной. Это правда, и я долженъ признаться, что это отнимаетъ у меня время, но вы подумайте, маменька, сидѣть вѣчно одному въ своей конурѣ—учить и учиться—мучить и мучиться—ни съ кѣмъ ни одного пріятнаго слова: это горько. Вы знали, какъ я не любилъ романовъ—теперь именно отъ этого одиночества, отъ этой скуки рѣшился читать ихъ—читаю всегда въ слухъ—это бываетъ обыкновенно вечеромъ послѣ чаю. Теперь мы читаемъ Редгонтлета. Сегодня кончили другую часть. Признаюсь, мнѣ очень оно не нравится. Принуждаю себя находить въ немъ хорошее, принуждаю себя смотрѣть сквозь пальцы на его болтовство—и все ибѣть мочи: порезъ дичь—не болѣе. Недавно читали романъ: *Сенз-Меранъ*—французское сочиненіе, но прекрасное. Совѣтую брату достать и прочесть вамъ вслухъ. Мы его прочли съ большимъ удовольствіемъ.

Если библіотека покойнаго Гулака ¹⁾ продается, то нельзя купить для меня изъ оной сочиненія Нѣмцевича подъ име-

¹⁾ Ошибочный слухъ о смерти П. П. Гулака-Артемовскаго.

немъ Dzieje panowania Zygmunta III, на польскомъ языкѣ. Пожалуйста постарайся черезъ кого-бы то ни было. Три тома рублей 40.

Сейчасъ только ходилъ по льду Дняпровскому. Прозрачный, какъ стекло, и толстъ четверти на три уже. Видъ съ рѣки на домъ и деревню прекрасный. Относительно пѣсень Максимо-вича,—ве пересылайте ихъ до времени, милая маменька; ибо уже не долго остается.

—

12.

26 октября ¹⁾ 1832. Екатеринославъ.

Почтеннѣйшая маменька! Случай — и вогъ, какъ видите по надписи, я въ Екатеринославѣ. Отчасти желаніе увидѣть Ѳедора, ²⁾ отчасти другое желаніе или правильнѣе любопытство узнать амперію нашу въ ея центрѣ;—дрожки запряжены, сѣлъ и поѣхалъ. Вчера въ 1 часъ послѣ обѣда я увидѣлъ Ѳедора; въ три часа поѣхали по Екатеринослави, выѣздили весь; вечеръ провели такъ весело, что и до сего времени вслѣдствіе хохота головная боль отзывается довольно чувствительно.

Теперь что вамъ сказать о центрѣ амперіи, въ которой имѣю теперь свое жительство? Довольно того, что я не ожидалъ отъ Екатеринославля того, что увидѣлъ. Прекрасная улица, вдвое шире нашей Сумской, составляетъ основу города. Прекрасные дома лентою тянутся по обѣимъ сторонамъ улицы. Передъ каждымъ домомъ налѣсады. Домъ Щекутина прелестный. Я не могу сравнить его ни съ однимъ изъ харьковскихъ, ибо такого дома нѣтъ въ Харьковѣ; въ петербургскомъ вкусѣ въ два этажа съ половиною—великолѣпное зданіе. Фабричныя зданія, оканчивающія городъ, огромны и также очень хороши. Улица тянется около полуторы версты, угломъ по изгибу Дняпра. Церквей только три. Новый соборъ строится на горѣ подлѣ

¹⁾ Слѣдуетъ читать: 26 ноября.

²⁾ Ѳ. С. Евецкаго.

развалинъ потемкинскаго дома; храмъ будетъ превосходный. Мы заходили и въ развалины Потемкинскаго дома. Какое грустное чувство невольно вселяется при взглядѣ на это разрушеніе.— Въ немъ когда-то Екатерина, Іосифъ,—Потемкинъ угощаль ихъ столомъ и своимъ прожекомъ объ изгнаніи турковъ изъ Европы. Крыши уже разрушены; полы также; но штукатурка еще сохранилась и превосходная лѣпная работа также. Сегодня только что я имѣлъ удовольствіе свидѣтельствовать свое почтеніе добрымъ старикамъ, родителямъ Евецкаго. Прекрасные люди—они приняли меня очень ласково. Послѣ обѣда ѣду обратно. Извините, что письмо будетъ слишкомъ коротко. Фантазировать не хочется, а дѣла писать право нечего; и потому если я скажу вамъ, что я здоровъ, чего и вамъ желаю, то запасъ мой истощенъ, и я долженъ по необходимости окончить письмо...

—
13.

Варваровка. Декабря 1-го 1832 г.

Уже декабрь! Я теперь считаю каждый день, и съ каждымъ днемъ подходитъ ближе радостная минута. Вся цѣль моя теперь—увидѣть васъ, поговорить съ вами. Скоро, скоро! Одно только теперь меня беспокоитъ—Михаилъ Ивановичъ.¹⁾ Ахъ, если бы не было никакого препятствія относительно его отъезда!—Съ этою же почтою вы получите и другое письмо мое: изъ Екатеринославля. Вы вѣрно, милая маменька, не осердитесь на меня за то, что на поѣздку къ Евецкому издержалъ 480 копѣекъ. За то я видѣлъ Евецкаго, провелъ съ нимъ счастливый день, увидѣлъ и обозрѣлъ Екатеринославль, проѣздивъ, былъ на той сторонѣ Дняпра, видѣлъ развалины потемкинскаго дома. Въ понедѣльникъ я обѣдалъ у Евецкихъ. Добрые, умные старики. Они приняли меня очень ласково. За обѣдомъ я познакомился со старикомъ Цыхомъ. Предобрый старикъ—нѣмчикъ, забавникъ. Я забылъ

¹⁾ М. И. Кусковъ, дяди И. И. Срезневскаго.

вамъ сказать о пожарахъ Екатеринославскихъ. Уже въ продолженіе цѣлой недѣли они продолжаются непрерывно, каждую ночь. Въ числѣ сгорѣвшихъ строеній и синагога жидовская, большое зданіе. Остались только фундаменты, и на бѣду случилось это въ пятницу ночью, наканунѣ шабаша. Законъ запрещаетъ въ это время жидамъ трудиться. Съ воемъ и визгомъ они кружились около пламени, воздѣвая омытыя руки свои къ небу; русскіе не принимались тушить отъ суевѣрія. — Такая непрерывная цѣпь пожаровъ, само собою разумѣется, предполагаетъ *поджогу*. Подозрѣваютъ въ этомъ плѣнныхъ поляковъ, живущихъ теперь въ Екатеринославѣ. Рассказываютъ многіе анекдоты: какъ одному мѣщанину грозилъ полякъ поджечь его домъ, если не дастъ ему денегъ; какъ польскій мальчишка бросилъ въ бочку съ дегтемъ начиненную порохомъ и подожженную сумку, и пр. и пр. Весь Екатеринославъ въ страхѣ. Жители учредили изъ себя квартальный обходъ, но ничто не помогаетъ. Пожары бывають по большей части рано вечеромъ или часовъ въ 6-ть утромъ. Предъ симъ несчастнымъ временемъ Екатеринославъ пировалъ: безпрестанные балы, конская скачка, поднятіе колокола на колокольню вновь строящагося собора, и пр. О семъ послѣднемъ скажу подробнѣе: когда привезенъ былъ колоколъ на баркѣ, искали подрядчика, который бы перевезъ его на гору къ собору. Никто не согласился менѣе пятисотъ рублей взять за такой подрядъ: такова гора! Тогда народъ, поставивши колоколъ на полозья, торжественнымъ шествіемъ повезъ самъ своими руками этотъ колоколъ, духовенство и чиновники сопровождали пяти-тысячную процессію. Даже дѣти и старухи хватились за стосаженную веревку, будто помогая своимъ отцамъ и сыновьямъ. Въ полчаса колоколъ былъ уже на горѣ. Въ двѣ минуты его встали на верхъ колокольни. — Братъ писалъ мнѣ когда то, что Гулакъ умеръ. Правда ли это? Я въ Екатеринославѣ слышалъ противное. Вѣрно братъ повѣрилъ ложному слуху, а потомъ захотѣлъ исправить свою ошибку. — Старикъ Цыхъ рассказывалъ, что сынъ его получилъ адъюнкта и магистра, и радовался. Я не хотѣлъ уничтожать его радости ни даже сомнѣніемъ. Но скажи пожа-

луйста, братъ, ужели Гордѣнко ¹⁾ и Криворотовъ ²⁾ добились магистерства? Если Цыха сбили, то ихъ обоихъ стоило бы сдѣлать истопниками въ университетѣ: а сдѣлать ихъ магистрами, удаливши Цыха,—срамъ университету. Если сложить цѣлый легіонъ Криворотовыхъ, то и тогда не составитъ ни одного Цыха, ни по уму, ни по знаніямъ. Я возвращался изъ Екатеринославля вечеромъ. Мятель играла въ воздухъ. Я закутался—и заснулъ. Кучеръ—чудо, лошади—тоже. Летимъ. Я проснулся, когда съѣзжали съ горы къ Дняпру. Тпру! Кучеръ соскочилъ искать дороги черезъ Дняпръ, наконецъ помощью мужаика отыскали—и поѣхали по льду. Вода подо льдомъ гудеть. Ледъ трещить, но это вовсе не страшно, провалиться нельзя. Ледъ уже въ аршинъ толщины; а скучно то, что ѣдешь по льду. По Дняпру ледъ обыкновенно становился *шерегомъ*. Какъ бы это вамъ рассказать? Легкій ледъ въ началѣ зимы ломается волною,—становится другъ къ другу бокомъ и замерзаетъ постепенно, начиная отъ нижняго порога къ верхнему. И такъ ледъ вдругъ становится толстымъ, но чрезвычайно неровнымъ: одинъ кусокъ льдины выдался, другой впалъ. Когда Дняпръ станетъ, прокладываютъ дорогу, то-есть чистятъ, чтобы удобнѣе было ѣздить; но это не помогаетъ. Ёдешь, и безпрестанно гнешься то на одну сторону, то на другую. Подъ колею вѣчно попадаетъ льдина,—и такъ тряско надобно ѣхать около двухъ верстъ. Вы не можете себѣ представить, какъ у меня болѣли ноги послѣ такого странствія. Точно будто кто ихъ перещуцалъ кіемъ...

—
14.

7 декабря 1832 г. Варваровка.

Лети, лети время, скорѣй, скорѣй! А вы, душенька маменька, ждите колокольчика. Скоро, скоро...

¹⁾ Григорій Степановичъ Гордѣнко, впоследствии проф. законовъ полицейскихъ и уголовныхъ Харьковскаго университета († 1849 г.).

²⁾ Александръ Григорьевичъ Криворотовъ, проф. римскаго права въ Харьковскомъ унив. († 1850 г.).

Уже я начинаю приготовляться къ пути. Вчера вечеромъ перебиралъ и приводилъ въ порядокъ тетради. Пересматривая такимъ образомъ свои кипы, я увидѣлъ, что время не совсѣмъ потеряно. Украинская скрыня моя выросла или, лучше сказать, подросла очень примѣтно. Собраніе словацкихъ пѣсень тоже увеличилось, ибо и къ намъ въ деревню два раза заходили словаки: разумѣется я не пропускалъ случая. Собственно мои труды также шли не даромъ. Приѣхавши въ Харьковъ, я буду просить у васъ кое въ чемъ совѣтовъ, милая маменька. На совѣты чужіе и не могу, и боюсь положиться...

15.

16-е дек. Варваровка.

Послѣднее. Слава Богу, слава намъ!

...Какъ увидимся, то я думаю и въ двѣ недѣли я не успѣю пересказать всего,—а какъ писать въ письмѣ, то того не хочется, того не можно, того не ловко, и такимъ образомъ предметы письма уменьшаются въ количествѣ и сходятся къ очень небольшому числу самыхъ глупыхъ мелочей. На прошлой недѣлѣ былъ у насъ засѣдатель. Это лицо довольно аккуратно выражаетъ мѣсто, имъ занимаемое.

Приѣхавши въ Харьковъ, я когда-нибудь опишу вамъ формально всѣ лица, коихъ лицезрѣніемъ я наслаждался въ здѣшнихъ мѣстахъ, опишу всю этнографію украинскихъ степей самымъ вѣрнымъ образомъ съ прибавленіемъ безчисленныхъ анекдотовъ. Юмористическій цѣлый романъ въ рукахъ,—стоитъ приняться написать,—только не хочется.

Послѣднее время я занимаюсь собираніемъ преданій о зарожденіяхъ. Въ воскресеніе ожидаю къ себѣ старика—болтуна, который долженъ разсказать многое. Знаете ли, какъ добръ Иванъ Тимофеевичъ: слѣдующею весною я поѣду по Днѣпру, то водою, то сухимъ путемъ, и обозрю всѣ пороги и острова самымъ вѣрнымъ образомъ, а если вы позволите мнѣ издержать 30 рублей, то буду въ состояніи доплыть до самаго Херсона и до Чернаго моря и вернуться назадъ въ Варваровку на почтовыхъ. Туда на баркѣ

почти даромъ. Путешествіе самое веселое. А лѣтомъ непременно поѣдемъ съ вами въ Изюмскій уѣздъ. Я столько слышалъ о красотѣ оного, что грѣхъ не увидѣть его. Но это все зависѣтъ будетъ отъ вашего позволенія.

А затѣмъ прощайте, милая маменька, до свиданія.

Из. Ср. 1)

—
16.

Варваровка. Генв. 17, 1833.

Желаю здравствовать, маменька! Здравствуй, братъ! Уже 4-й день, или 3-и сутки, какъ я въ Варваровкѣ. Михаилъ Ивановичъ уѣхалъ вчера. Все пошло по прежнему, тихо, медленно. Катерина Романовна и Иванъ Тимофеевичъ еще лучше со мною. Дѣти любезны. Всѣ обрадовались мнѣ, какъ родному. Я сказалъ Катеринѣ Романовнѣ, что вы позволили ей не только ставить меня въ уголокъ и совершенно передали ей право маменьки; а вслѣдствіе сего, я, благодаря, говорю ей: мерсі, тата! Дней черезъ 10-ть они будутъ въ Харьковѣ проѣздомъ въ Воронежъ. Вотъ нашъ путь:

— Первая станція была пребезпокойная. Я болѣе шелъ пѣшкомъ. Потомъ лошадь пала. Потомъ въ Мерефѣ съ кибиткой. Я осмотрѣлъ ее: починять было долго. Мы оставили ее и поѣхали далѣе въ Водолаги... Въ Водолагахъ мы отдохнули. Часу въ 8-мъ утра пріѣхали въ Старовѣровку... Въ Константиноградѣ я пролежалъ больной; выпилъ полбутылки краснаго вина и лучше стало. Утромъ пріѣхали въ Новомосковскъ на другой день, а вечеромъ въ Варваровку. Въ Новомосковскѣ я купилъ экипажъ—да съ—экипажъ, простите, извините—заплатилъ дорого,—да я купилъ въ надеждѣ, что онъ пригодится,—розвальни за 8 рублей...

—
17.

Варваровка. Генв. 22, 1833.

...Я не отложилъ намѣренія издавать Альманахъ подъ именемъ „Отрывки“. Содержаніе: повѣсти, путешествія и исто-

1) На послѣднемъ листѣ письма нарисованъ «Планъ аныѣшняго Варваровскаго помѣстья въ XVI вѣкѣ».

рическіе отрывки. Если увидите съ Петровымъ¹⁾, то именемъ своимъ попросите для меня у него статьи о Сибири; а я ему пришлю обѣщанное по слѣдующей почтѣ²⁾. Теперь некогда писать, а то и теперь бы прислалъ.

Извѣстите, маменька, объ этомъ и Ивана Николаевича; да еще вотъ въ чемъ дѣло. Я хочу напечатать въ альманахѣ своемъ его отрывки изъ писемъ безъ подписи имени, а звѣздочками. Согласится ли? не сердится ли? Еще маленькая просьба, почтеннѣйшая маменька: сдѣлайте милость, попросите Іосифа Афанасьевича, чтобы онъ сократилъ для меня статью изъ *Annales des Voyages* Мальтебруна о Сѣверныхъ земляхъ, которая поясняетъ карту Зено. Онъ знаетъ. Я думаю, что онъ по добротѣ своей не откажется это сдѣлать, тѣмъ болѣе потому, что эта статья мнѣ очень нужна. Пусть извинитъ, что не пишу къ нему: ей-ей, некогда.

Когда Иванъ Тимофеевичъ будетъ въ Харьковѣ, то сдѣлай милость, братъ, вручи ему мой Телескопъ (2 тома), достань остальное у Рейпольскаго, пожалуйста достань. Вчера мы читали Саламанхскаго студента и хохотали.

У насъ весна. Снѣгу нѣтъ, Днѣпръ таетъ. Я ѣздилъ верхомъ въ одномъ архалукѣ. Стадо въ полѣ. Кое-гдѣ пробивается молоденькая травка...

—
18.

Варваровка. 27 янв. 1833.

...Хотѣлъ бы вамъ написать какую-нибудь новость, та что робыты?—Немае ніякои.—По вечерамъ занимаюсь перепиской

1) Иванъ Матвѣевичъ Петровъ—харьковскій литераторъ.

2) Это обѣщанное были «Отрывки изъ записокъ о старцѣ Григоріи Сковородѣ», напечат. Петровымъ въ его альманахѣ «Утренняя звѣзда» (Москва, 1836) въ подписью И. С. р. з. к. Варваровка на Днѣпрѣ. 1833, февр. 11. О статьѣ этой есть упоминаніе въ одномъ изъ писемъ Е. И. Срезневской И. И. С.—ому; изъ него видно, между прочимъ, что Петровъ просилъ И. И. С.—го нарисовать портреты Сковороды въ свѣтъ; вѣроятно, этотъ портретъ и есть тотъ, который былъ напечатанъ въ «Утренней звѣздѣ» и перепечатанъ въ «Вибліографѣ» 1894 г. при замѣткѣ моей о письмахъ Сковороды въ Правдицу.

статей альманачныхъ. Недѣли черезъ двѣ пошлю въ Москву рукопись уже переписанную. Вы, можетъ быть, удивляетесь простотѣ названія моего альманаха: чѣмъ проще, тѣмъ лучше. Статьи любопытныя. Не угодно ли прочесть заглавіе приготовленныхъ уже? Вотъ оно:

Повѣсти: Вукъ Абрамъ (Евѣцкаго), Туфли (арабская пов.), Мой дядя (моя), Фермата (Гофмана, пересказанная мною), Вевелянка (преданіе), Блуждающій жидъ (Шуберта).

Путешествія: Чатырдагъ (Филомафитскаго), Черниговъ (Кулжинскаго), Жители западныхъ Пиринеевъ (Фишера изъ Москвы), Разсказъ бывшаго въ плѣну у дикарей Сѣверной Америки, о Сербіи; Оссетины (Яновскаго), о Грузіи (Евѣцкаго).

Смѣсь: О молдавской народной поэзіи, Мысли и замѣчанія; Письма о санскритской литературѣ и языкѣ; о магометанахъ (Ив. Ник. Соколова).

Это еще не все. Если Петрову захочется знать содержаніе, то пусть полюбопытствуетъ. Если можно будетъ, то я постараюсь еще достать повѣстей, дабы сдѣлать альманахъ любопытнѣе... ¹⁾

19.

Варваровка 1833. Среда, 21 февр.

...Вы пишете мнѣ, маменька, относительно Полторацкаго ²⁾ Братъ сказалъ, что я не соглашусь,—а я напротивъ радъ слушаю, разумѣется, лишь бы на такихъ условіяхъ, кои могли бы мнѣ доставить такое покойное житіе, какъ теперь, хоть и хуже немножко, то ничего. Мнѣ теперь—чудо; одно то, что я не таскаюсь по пансіонамъ; лишь-бы вы, маменька, согласились. По немногу, нѣтъ по многу, я занимаюсь—и наконецъ выслужу свое. Служба не уйдетъ; а деньги нужны. Одно, что я не подлѣ васъ. Охъ, тяжко мнѣ иногда отъ этого, да что дѣлать! Я увѣренъ, что вы теперь не грустите о недостаткѣ: съ меня и этого достаточно. Я покоенъ, я счастливъ. Это правда, я не

¹⁾ Альманахъ этотъ напечатанъ не былъ.

²⁾ Полторацкій приглашалъ И. И. С.—го на мѣсто домашняго учителя (изъ письма Е. И. Срезневской 10 февр.).

забываю о магистерствѣ, но едва ли въ Харьковѣ. Мнѣ бы хотѣлось такъ распорядиться: поучить нѣсколько лѣтъ, потомъ сыскать компанію за границу, дать въ доктора, да и свиснуть опять въ Русь. Мнѣ еще 20 лѣтъ 8 мѣсяцевъ. Если и еще 4 года погуляю, то много. А между тѣмъ есть много времени для занятій, и больше охоты заниматься по волѣ. Впрочемъ все будетъ, какъ Богу угодно. Будетъ то, что будетъ, а будетъ что Богу угодно, какъ сказалъ Хмѣльницкій. Я положилъ себѣ за правило каждую недѣлю написать какую-нибудь статью,— двѣ недѣли ее поправлять, а на третью отсылать въ журналъ. И это скрѣпляетъ мои занятія, а между тѣмъ главное мое занятіе, любимое—исторія Украины идетъ само собою не въ счетъ. Прощлую недѣлю послалъ въ Телескопъ: О Зендавестѣ. ¹⁾ Нынѣшнюю, если успѣю переписать, перепису о Вико ²⁾. Будутъ ли напечатаны, объ этомъ братъ меня увѣдомить...

—
20.

Варваровка. 1833, февр. 24.

Не знаю, что и подумать, милая моя маменька, о вашемъ молчаніи на прошлой почтѣ. Такое критическое время какъ теперь невольно наводитъ подозрѣніе. Здоровы ли вы? Не больны ли? Не больны ли отчаянно? Или, можетъ быть, васъ мучитъ боль глазная? Никогда я столько не беспокоился, столько не грустилъ, не призадумывался, не мѣшался въ разговорахъ, не наводилъ скуку на другихъ, какъ теперь, начиная съ прошедшей субботы. Не знаю, что и подумать, какъ и разгадать! Въ другое время я только жалѣю, что отъ васъ ни строчки не теперь, теперь, когда вы сами увѣдомляете меня о повѣтріяхъ! Маменька, добрая маменька, ради Бога не пропускайте не одной почты, пока въ Харьковѣ не будетъ все спокойно. Хоть по нѣскольку строчекъ руки вашей,—и съ меня довольно.

¹⁾ «Общія основанія Зендавесты» были напечатаны въ Телескопѣ 1835 г. (т. 28, с. 519—526) съ подписью И. С. Варваровка на Дѣлѣ. 1833 г. февр. 16.

²⁾ Напечатано не было.

Пусть братъ дописываетъ остальное. Ахъ, если бы вы знали, маменька, какъ теперь тяжело мнѣ; грущу, и какъ будто по какому-то предчувствію. Конечно у васъ есть медики, близка помощь,—но, пожалуйста, душенька маменька, не болѣйте, будьте здоровы, да не забывайте вашего степняка. Для него лучшее удовольствіе, единственная отрада—вѣсть отъ васъ. Теперь только я почувствовалъ, какъ тяжело разставаться съ родными, какъ тяжело сносить горе отдаленія отъ родной. Нѣтъ, мое опредѣленіе жить подлѣ васъ, неразлучно. Тогда только я спокоенъ, счастливъ. Если огорчу васъ невольно,—вы простите меня; а теперь некому огорчить, некому и приласкать. Просто былинка степная. Однако я расквасился. Можетъ быть вы здоровы. Ахъ, если бы!—Вы получили мое послѣднее письмо и въ немъ видѣ Днѣпровскій. Теперь каждое утро я брожу по берегамъ Днѣпра и снимаю виды. Есть видѣ Ненасытянца; видѣ пороги Звонецкаго и Волошкаго и пр. Понемногу составляю порядочный портфель. Память со степей. Хочу нарисовать видѣ Днѣпра, ночь, горятъ степи, Днѣпръ пылаетъ. Если бы удалось. Жаль, бумаги нѣтъ хорошей. Завтра воскресенье: ѣду съ Алексѣемъ Ивановичемъ¹⁾ на Вороную. Тамъ живетъ 97-лѣтній старикъ Гречка. Онъ былъ запорожцемъ, знаетъ много важныхъ неизвѣстныхъ исторій, происшествій. Буду спрашивать; а Катерина Романовна обѣщала зазвать волошку и списать у нея Молдавскія пѣсни съ переводомъ. Это вмѣсто сюрприза...

—
21.

Варваровка. 1833, февр. 27.

Нѣсколько уже дней я зритель пожара степей. Зрѣлище для меня совершенно новое и поразительное. Я бы желалъ познакомить васъ, милая маменька, съ этимъ пожаромъ; но что дѣлать,—вы не родили меня ни поэтомъ, ни живописцемъ. Если бы я рѣшился описать вамъ этотъ пожаръ въ красивыхъ періодахъ, то только бы насмѣшилъ васъ своимъ кислорѣчіемъ;

¹⁾ Сынъ Подольскихъ.

если бы нарисовалъ, то вы бы не поняли. Придется ограничиться однимъ сказаніемъ о томъ, какъ и для чего производятся подобныя пожары.

По степямъ двѣпровскимъ растетъ высокая трава, подобная хлѣбу, густая, высокая. Здѣсь называютъ ее *комышемъ*, *ковылоу*, *тирсоу*, какъ угодно. Когда то, въ прежнее бывалое, старинное время этотъ комышъ бывалъ такъ высокъ, что за нимъ не видно было рогатаго скота,—настоящій лѣсъ. Теперь, когда степи населяются все болѣе и болѣе, комышъ унизился; но и теперь въ иныхъ мѣстахъ онъ выше 1½ арш. Въ продолженіе цѣлаго лѣта онъ растетъ, зеленѣетъ; осенью сохнетъ, и во всю зиму стоитъ крѣпко на стебляхъ своихъ. Вѣтеръ только играетъ имъ. Весною, когда снѣгъ спадетъ и солнце пригрѣетъ землю, степняки начинаютъ жечь этотъ высохшій лѣсъ комышу, дабы скорѣе росла молодая трава; берутъ пукъ самаго тонкаго комышу, сгибаютъ въ ложку, кладутъ огню въ оную,—и, когда пукъ запылаетъ, они начинаютъ поджигать степь, приложивши пукъ къ землѣ и бѣжа такимъ образомъ перпендикулярно къ вѣтру, по прямой линіи. Полоса запылала, вѣтеръ погналъ пламя, и вотъ степь покрылась вся огнемъ. Она горитъ до тѣхъ поръ, пока сыщеть себѣ какуюнибудь препону, хотя небольшую дорожку. Если желаютъ, чтобы пожаръ пошелъ далѣе черезъ дорогу, перекидываютъ огонь, и пламя бѣжитъ далѣе до новой препоны. На эти пожары любо смотрѣть ночью. Небо играетъ заревомъ, пламя и дымъ выются клубами, Двѣпръ будто горитъ, и волны, переливающіяся черезъ пороги, сіяютъ мрачною радугою.—И все тихо и все глухо, какъ въ могилѣ, только изрѣдка вой волка пробудитъ спящихъ собакъ или порывъ вѣтра прерветъ тихій ропотъ пороговъ, и пороги взбурлятъ, и вспѣнятся волны...

Что то дѣется съ Іосифомъ Афанасьевичемъ? Что подѣлываетъ его око всевидящее? Или оно еще ничего доселѣ не видитъ? Жаль Я представляю себѣ его отчаяніе. Онъ такъ любитъ читать и заниматься, а при глазной боли долженъ ограничиваться одними своими мыслями.—Я хотѣлъ къ нему писать письмо, но поду-

мать, что равно онъ отложить чтеніе его, а потому и рѣшилъ подождать его собственной писульки. Тогда напишу зѣло много.—Я теперь, маменька, знаю старину запорожскую какъ свою собственную жизнь. Мало-по-малу и собралъ свѣдѣній очень много. Особенно мнѣ помогъ *Гречка*, о которомъ я писалъ къ Вамъ въ прошломъ письмѣ. Часовъ пять я провелъ прошлое воскресенье на Вороной, все разговаривалъ съ стариною, и слышалъ и узналъ очень многое. Гречка былъ самъ запорожцемъ и всему очнымъ свидѣтелемъ,—жалъ, что ему измѣняется иногда память, но въ такомъ случаѣ я его недоумливаю, онъ припоминаетъ, поправляетъ мои ошибки, и дѣло ладно. Гречкѣ 97 лѣтъ. Ему было уже 15, когда онъ присягалъ Петру III-му Происшествія за его память онъ рассказываетъ чрезвычайно подробно, и что всего любопытнѣе, *по своему*, какъ запорожецъ, съ его вѣрованіями, съ его политическими мнѣніями. Живой памятникъ минувшаго! Скажите, добрая маменька, что пишетъ Иванъ Николаевичъ? Упоминаетъ ли онъ когда-нибудь обо мнѣ? какъ упоминаетъ? Вотъ уже два письма я написалъ къ нему: одно до Рождества, другое тотчасъ по пріѣздѣ. И ни слова. Ужели онъ сердится на меня? Ужели я виноватъ предъ нимъ? Я по крайней мѣрѣ желалъ бы знать вину свою. Но такъ темно быть виноватымъ, осужденнымъ,—Богъ съ нимъ, съ добрымъ Иваномъ Николаевичемъ! Я вовсе не заслуживаю, кажется, презрѣнія отъ него; но и навязываться, подбѣгать, льстить—не намѣренъ ни предъ кѣмъ, тѣмъ болѣе предъ Иваномъ Николаевичемъ, котораго я душевно почитаю, люблю и обязанъ многимъ: тогда бы только и былъ тѣмъ, чѣмъ угодно, какъ видно, считать меня теперь Ивану Николаевичу. Я уже не смѣю теперь относиться къ Ив. Ник. ни съ просьбою, ни съ совѣтомъ, ни съ чувствами, словомъ: слова мои только увеличиваютъ въ немъ худое обо мнѣ мнѣніе, и наскучаютъ ему. Для чего же терять ихъ? Я знаю, что если Иванъ Николаевичъ любитъ меня, то для меня же, изъ желанія мнѣ добра, пользы, счастья; а я могу любить его только для себя. Разница большая.

Прощайте, добрая маменька!—Не забывайте вашего сына.

И. С.

Варваровка. 1833, мар. 15.

...Въ нынѣшнюю недѣлю у насъ пропѣлось нѣсколько самыхъ жестокихъ бравурныхъ арій. Отчасти у меня голова ходенемъ ходила.

Алексѣю Ивановичу разрѣшили не быть студентомъ. То была первая бравада. Ему наскучило учить большіе уроки; онъ объявилъ нѣсколько разъ досаду свою маменькѣ и папенькѣ. Папенька обрадовался, что сынокъ хочетъ идти по батьку. Маменька вѣроятно сжалилась надъ любимымъ болваномъ, и Алеша вступить прямс въ военную службу. То то будетъ настоящій Кабудъ, путешествовавшій въ Мекку! Мнѣ было досадно такое рѣшеніе. Всѣ труды мои пропали. Я представлялъ и то и другое, но, разумѣется, выслушали, да не послушали. Это обыкновенно бываетъ, и я только расхохотался. Пусть что хотятъ, то дѣлаютъ, мое дѣло было сказать; а по расположенію ко мнѣ и Катерины Романовны и Ивана Тимофеевича, вѣчно допрашивающихъ и меня, что касается до мыслей,—я не могъ сдѣлать иначе: переказалъ все откровенно. Теперь Алеша развязанъ и пошелъ ослить, учиться прегадко, думаетъ объ одномъ ружьѣ, а объ урокахъ вовсе нѣтъ думки. Я предварилъ родителей о слѣдствіяхъ позволенія. Мое предсказаніе сбывается.

Цѣлое семейство мужиковъ, т. е. отецъ и два сына изъ новокупленныхъ русскихъ, бѣжало изъ деревни, Богъ вѣсть, куда. То была вторая бравурная арія, которая не кончилась и доселѣ. Ив. Тим. посылалъ погоню по всемъ дорогамъ, но не отыскали. И причину побѣга трудно отгадать. Снялись да и пошли, оставя женъ и дѣтей, вѣроятно, съ намѣреніемъ при случаѣ взять и ихъ къ себѣ. Были допросы, были арапники,—все тщетно. Удивляюсь стойкости русскаго народа. Хохолъ никогда не будетъ такъ стоекъ. Розыски продолжаются. Угадываютъ мѣсто, куда бѣжали. Надобно знать, что въ здѣшнихъ мѣстахъ есть много панковъ, которые безтрепетно принимаютъ къ себѣ бѣглыхъ, обременяютъ ихъ работами, и ничего не платятъ, угрожая судомъ. Но таковъ предразсудокъ: мужику лучше жить

*подъ паномъ, нежели у пана по крѣпости. Думаютъ, что бѣгле-
лые отправились къ одному изъ такихъ панковъ, который
имѣетъ хуторъ около Елисаветграда.*

Дябрь ломаетъ. То третья бравурная арія. Но какова смѣ-
лость народа здѣшняго! Вчера начало ломать ледъ, а третьяго дня
и вчера даже утромъ ходили и ѣздили! Впрочемъ эта смѣлость
искусственная. Ходятъ въ такое время по льду и ѣздятъ только
одни Синельниковцы. Баринъ приказываетъ, страждаетъ аранши-
ками,—бѣдняжки ходятъ. Каждую весну потопаетъ синельников-
цевъ до 18 душъ. А какъ бы вы думали, кто причиною такого
погона бѣдныхъ? *Belles maitresses* Синельникова, который жи-
ветъ съ ними не какъ султанъ или паша, а какъ нижайшій
рабъ, не смѣющій ослушаться приказаній своихъ повелитель-
ницъ. Синельниковъ покровительствуетъ разврату въ своихъ имѣ-
ніяхъ лучше, нежели нашъ государь просвѣщенію.

На этихъ дняхъ у меня была развалина запорожская,
старикъ лѣтъ 80, бандуристъ. Много я разспрашивалъ его,
много узналъ. Списалъ нѣсколько думъ и пѣсней старинныхъ.
Теперь, маменька, я знаю Запорожье не хуже азбуки. Мало
по-малу, тихо-по-тиху, да и доползъ. Однако не перестану за-
ниматься. Трудъ мой, почти семилѣтній, не долженъ остаться
безъ окончанія или безъ пользы. Начну съ того, что перепису
набѣло аккуратно все свое собраніе. Куча будетъ порядочная!

Прощайте, маменька, прощай, братъ! Да, ради Бога, не
забывайте вашего степняка!..

—
23.

Варваровка, 17 марта 1833 г.

Еще почта, и опять отъ васъ нѣтъ письма. Господи Боже
мой! Я настоящій сирота. Неоткуда мнѣ получить вѣсти, не-
чѣмъ порадоваться.. Милая маменька, теперь я знаю, что значить
любить и какъ я люблю васъ! Можетъ быть я желалъ бы даже
быть равнодушиѣе, желалъ бы забыть свое горе,—но нѣтъ, оно
слишкомъ близко къ сердцу, имъ все оно занято. Я плакалъ, читая

слова Вернера: „Богъ и мать, вотъ что должно занимать меня“ и пр. Нѣтъ, Вернеръ не обманываль, говоря это. Я это чувствую по себѣ. Письмо, привезенное мужикомъ русскимъ съ посылкою—было послѣднее. Пять недѣль прошло,—и хотя бы кто строчку. Ни вы, ни братъ, ни Джунковскій. Ужели я недостойнъ строчки? Одна только строчка вашей руки, маменька,—съ меня бы и ее довольно. Наконецъ, я прошу васъ на предбудущее время,—не пропускайте ни одной почты, хоть по нѣскольку строчекъ, пишите ко мнѣ, но пишите. Это не составитъ большого счета. Мнѣ не пужно харьковскихъ новостей и пр. мнѣ пужна вѣсть отъ васъ, о вашемъ здоровьи,—увѣреніе, что вы не забыли, не сердитесь на меня.

На прошлой почтѣ я писалъ письмо къ Евецкому, чтобы онъ увѣдомилъ меня. Можетъ быть у него лежатъ письма ко мнѣ. Но отвѣта черезъ почту ждать долго. Иванъ Тимофеевичъ былъ такъ одобръ, что приказалъ снарядить дубъ, и завтра Романъ переправится на ту сторону, и побѣдетъ въ Екатеринославль. Послѣзавтра поутру я получу отвѣтъ. Ахъ, если бы онъ былъ съ письмами вашими! Нѣтъ, худо, худо на чужой сторонѣ, вдали отъ родныхъ, отъ родной матери, матери, которой обязанъ я всѣмъ, всѣмъ, даже чувствомъ любви къ ней! Это чувство невольно... нѣтъ, не доскажу.

Авось либо я буду счастливъ послѣ завтра. Авось, но если нѣтъ... что я долженъ подумать. Лечу въ Харьковъ. Сейчасъ только былъ у меня Иванъ Тимофеевичъ. Я ему сказала эту мысль свою, онъ согласенъ. Дѣло кончено. Еще почта—и я у васъ.

Прощайте, маменька, не забывайте вашего сына. И. С.

—
24.

Варваровка, 20 марта 1833 г.

Наконецъ, добрая маменька, наконецъ я успокоился. Третьяго дня я получилъ ваше письмо № 5 отъ 28-го февраля. Съ этою почтою надѣюсь получить и еще одно, а можетъ быть и два. Но, ради Бога, не оставляйте меня, маменька, безъ пи-

семь вашихъ. Катерина Романовна говорить, что я былъ похожъ на больного во все время ожиданія, — и былъ какъ сумасшедшій, когда дождался. Я не помню, чтобы когда-нибудь былъ такъ восхищенъ, какъ получивши это письмо. Но я долженъ признаться, не получая такъ долго письма отъ васъ, я думалъ, былъ почти увѣренъ, что уже не увижусь съ вами никогда, что я уже сирота, жалкій, беззащитный сирота безъ родныхъ, безъ покрова, одинъ, какъ степная былинка.

Относительно статьи о Сковородѣ, сдѣлайте одолженіе прочтите ее внимательно, пораскритикуйте, — и только тогда отдайте Петрову, когда найдете ее достойною печати. Вѣдь она написана слишкомъ наскоро, не болѣе какъ въ два вечера. — Хоть и не будетъ извѣстно, кто сочинилъ, ее, по все лучше, если она не хороша, не печатать ее.

Знаете ли что, милая маменька? Мнѣ кажется — Петровъ не будетъ издавать Альманаха. Пусть братъ провѣдаетъ съ этомъ, — и если нѣтъ, — то лучше моей статьи и не отдавать ему, а то у меня черновой рукописи не осталось, а у него запропадетъ. Ее можно будетъ со временемъ исправить, и она будетъ похожа на что-нибудь дѣльное. Это самое мени заставляетъ не готовить и другихъ статей, которыя обѣщаны Петрову....

—
25.

Варваровка. 29 мар. 1833 г.

.....Я еще кажется вамъ написать, что уже лакомился осетриной. Чудо рыба, если она свѣжая! Мясо бѣлое, жирное, питательное, хрящи какъ желе. Пробовалъ и икру — не понравилась, какъ и харьковская, я не нашелъ даже разницы; та же гадость. Но осетрина — чудо. До сихъ поръ поймано только 3 осетра, изъ коихъ одинъ — *кашница*, т. е. съ икрою. Кашница въсомъ 4½ пуда, въ томъ числѣ икры неочищенной 1 пудъ и 6 фун., а когда очистили вышло около 30 фун. Два осетра уже съѣдено (въ пять дней), а третій посоленъ, но и тотъ уже начатъ, ибо теперь по причинѣ холода ловли нѣтъ.

Но Днѣпру только 6 помѣщиковъ имѣютъ осетриную ловлю... Когда кашницу рѣзали, Кат. Ром. призвала меня, при мнѣ вынимали икру, при мнѣ икру чистили, при мнѣ разрѣзывали осетра на куски и солили. Я теперь знаю это ремесло; если случится, то и на дѣлѣ покажу свое знаніе...

Такъ вамъ поправилась моя Скворода, или блинъ, что я спекъ на Сквородѣ! О коллегіумскихъ беспокоиться нечего, ибо моя фамилія не будетъ подписана; а притомъ на все есть цензура. Позволить—и дѣло, не позволить—и то дѣло. О Вернетѣ и о дамскомъ башмакѣ тоже думать нечего. Вернетъ самъ это рассказываетъ при всякомъ удобномъ случаѣ, то-есть разсказывалъ, ибо теперь онъ безъ просыпу пьетъ въ Водолагахъ у Дунинскихъ.

Петровъ говоритъ, что у него мало стиховъ. Дѣльно. Если успѣю, то перепису ему, что у меня есть, и по слѣдующей почтѣ пришлю къ вамъ, а вы передадите пану Петрову; потрудитесь, добрая моя мама!—Я что-то теперь веселъ—и самъ не знаю чего. Такъ или потому что съ завтраго гуляю—ажъ-ажъ-ажъ до проводного понедѣлка. Еге!...

Варваровка. 1833, апрѣля 10-е.

Отправивши къ вамъ, милая маменька, прошлое письмо, я поѣхалъ гулять по Днѣпру на дубѣ, и доѣзжалъ до половины, т. е. до острова Голодайки, около версты отъ берега. Что за удовольствіе! Три рыбалки поютъ свои заунывные пѣсни, весла шеморятъ водою, мы летимъ. Я вспомнилъ, какъ мы прошлымъ лѣтомъ ѣздили по Лопани съ Іосифомъ Афанасьевичемъ и братомъ. Что если бы намъ поплавать вмѣстѣ по Днѣпру; мы бы заѣхали на Куной островъ, взошли бы на скалу и полюбовались бы видомъ Ненасытинца: этотъ островъ лежитъ у самаго порога, и съ него порогъ кажется настоящею горою. Увидѣли бы, какъ вода, облеченная мутной пѣной, крутится и переливается по двѣнадцати лавамъ или уступамъ скалъ Ненасытинскихъ... Чудесно!

Но вы вѣрно не поѣхали бы, маменька, вы бы побоялись великаго Дѣйбра. Нѣтъ, онъ ничуть не страшень. Ёдешь, какъ по маслу, легче нежели по Лопани. Разумѣется въ тихую погоду.—А въ бурю—это другое дѣло.

Какъ жить, а, если жить умѣючи, то въ здѣшнихъ мѣстахъ превесело. Напр. положимъ, что мы имѣемъ хуторокъ у самаго берега Дѣйпровскаго; нашъ маленький, уютненькій, веселенькій, чистенькій домикъ стоитъ на склонѣ горы, подъ сѣнною гранитной скалы, окруженный дубовою,—здѣсь вблизи нѣсколько хатъ крестьянскихъ, тутъ мельница, здѣсь токъ, здѣсь садъ,—а тамъ пахатныя поля. Все такъ уютно, мирно. Братъ женатъ—на доброй жевѣ,—у него дѣтки, подобныя милой моей *матине*¹⁾; я ихъ учу,—вы съ невѣсткой занимаетесь хозяйствомъ. Братъ философствуетъ на поляхъ. Подлѣ насъ Иванъ Николаевичъ. Онъ тоже иногда учитъ своихъ племянниковъ и племянницъ. Тысячъ пятьокъ доходу въ годъ,—и все хорошо. Иногда выезжаемъ въ Харьковъ, иногда въ Кіевъ,—и пр. и пр. Мы выпускаемъ журналы, газеты; вечерами читаемъ; иногда пріѣзжаютъ сосѣди: тѣ для удовольствій, а тѣ для разнообразія. Я занимаюсь садомъ... Право не дурно... Но,—мечта,—и очень дурно.

Впрочемъ мнѣ жить изрядно и такъ. Только нѣтъ васъ, а это хуже всего. На другой годъ ни за что не соглашусь остаться: лучше меньше получать, да жить подлѣ васъ, вмѣстѣ съ вами,—вмѣстѣ и горе и радость. Надобно только добиться въ институтъ, если останемся въ Харьковѣ, ибо брату должно окончить курсъ, а тамъ поглядимъ. Можетъ быть, въ Москву, или куды ише.

До того времени мнѣ хочется приготовить себя какъ слѣдуетъ въ томъ и другомъ: во-первыхъ относительно познаній, а во-вторыхъ относительно литературной извѣстности. Иванъ Васильевичъ²⁾ именно пишетъ, что дабы получить хорошее мѣсто въ Питерѣ, необходимо нужна эта извѣстность. Чѣмъ

¹⁾ Маленькая дочь Подольскихъ.

²⁾ Росковшенко—университетскій товарищъ И. П. Срезневскаго († 1889).

кто извѣстиѣ, тѣмъ тотъ принимается почетнѣе. Это мени за-
ставляетъ часть трудовъ своихъ удѣлять и на сочиненія и пе-
реводы, кои могли бы быть въ печати. Очень немудрено, что
и въ Москвѣ такъ точно дѣется.

У насъ рыбная ловля, т. е. осетриная, что-то плоха, до
сего времени поймано только 11 осетровъ. Едва ли этимъ и не
кончится. Но вы еще не знаете, какъ ловятся осетры здѣсь, и
потому я скажу объ этомъ нѣсколько словъ... Все орудіе назы-
вается *переметомъ* ¹⁾. Этими переметами заставляются, какъ
стѣнами, весь Днѣпръ. Когда осетры начинаютъ путь свой, то
по необходимости должны встрѣтить сіи преграды на ономъ, и,
испуганные, мгновенно поворачиваются назадъ, ляскаютъ хво-
стомъ въ переметь и попадаютъ на крючья. Тогда начинаютъ
они ёрзать туда и сюда, сомнуть весь переметь, т. е. каждый
изъ нихъ по одиначкѣ сведетъ *куи* ²⁾ одну къ другой. Рыбалки,
это примѣтивши, бросаются къ тому мѣсту, встаскиваютъ пере-
метъ на дубъ, а вмѣстѣ съ переметомъ и осетра, и т. д...

—
27.

Варваровка. 1833, апр. 17.

При семъ письмѣ прилагается послѣдній отрывокъ второй
статьи для Украинскаго альманаха г. Петрова. Думаю, что мои
статьи будутъ въ семъ альманахѣ не изъ послѣднихъ, по край-
ней мѣрѣ, по мѣстности. При случаѣ, если вы, милая маменька,
увидитесь съ Петровымъ, скажите ему, что если ему угодно
попросить у меня, то я могу дать ему нѣсколько отрывковъ
стихотворныхъ переводовъ изъ трагедій Кальдерона. Я перево-
дилъ для себя, и только ради скуки вмѣсто прозы стихами.
Если онъ меня попроситъ, то могу поправить стихи и прислать
къ нему ³⁾.

¹⁾ Здѣсь представленъ рисунокъ перемета.

²⁾ При объясненіи рисунка перемета сказано, что кугами наз. боль-
шія палки, плавающія на водѣ, прикрѣпленныя къ концамъ перемета.

³⁾ Напечатаны не были.

Мы получили наконецъ Телескопъ и Молву, которую выписали вмѣсто Сѣверной пчелы. Викторъ Гюго—извѣстіе для Іосифа Афанасьевича—издалъ новую трагедію Лукреція Борджія. Не хвалить; хотя страшныхъ сценъ много. Въ Телескопѣ помѣщена прекрасная повѣсть Бальзака, въ родѣ Дженевры—*Два остріи*. Вы помните Дженевру, маменька, бѣдную Дженевру!—Елена, героиня сей новой повѣсти, не хуже Дженевры. Достаньте Телескопъ и вѣрно прочтете со слезами. Только Еленѣ достанется навѣрно отъ васъ. Какъ смѣла, какъ рѣшилась? И что за великодушіе? и пр...

28.

Варваровка. 1833, апр. 27.

Вчерашній день полонъ происшествіями, та chère tатап; но вы знаете, что значить день степной, исполненный происшествіями. Не много болѣе ничего. Вихрь, пріѣздъ засѣдателя и наконецъ разнощика, знаменитаго въ здѣшнемъ краю Купріановича. Такой день долженъ конечно почестъся эпохою въ здѣшнихъ мѣстахъ.

Но какой вихрь! Часа въ два пополудни показалось на противоположномъ берегу Днѣпра сизовато-пыльное облако. Пороги примолкли. Вѣтеръ завылъ,—и облако понеслось съ быстротою молніи поперекъ Днѣпра, будто великанъ Іупитагемскій; идетъ по издымающимся волнамъ, и давитъ волны могучей плтой своей, и вотъ ближе, ближе, и рассыпалось въ дребезги, ступивши на нашъ берегъ,—взрываетъ крыши съ хатъ, хлещетъ спонами соломой, свиститъ песчанымъ дождемъ, и рвется, и крутится. Невозможно было выйти надворъ, не жалѣя потерять глазъ. Стулья, стоявшіе на балконѣ моемъ, изволили въ это время танцевать мазурку и потомъ окончили променадомъ вдоль всего балкона. Я хотѣлъ было сначала восхищаться свирѣпой картиной природы, но, когда увидѣлъ пляску стульевъ, столь чудную, столь сходящую съ адской пляской духовъ, то не могъ не расхохотаться,—выскочилъ на балконъ, привязалъ паруса къ плясовщикамъ и, вбѣжавши опять въ комнату, долго любовался этимъ невиданнымъ хороводомъ.

Пріѣздъ засѣдателя былъ еще многообразнѣе. День, дивъ, динь! И вотъ показалось два передовыхъ казака, — ждемъ. — Катерина Романовна сидѣла въ это время у меня на балконѣ. Появляется бричка съ колокольчикомъ, запряженная тремя кляченками, — и въ бричкѣ, жидовскаго покрою двѣ жидовскихъ фізіономіи, со впалыми, непрерывно кружащимися глазами, съ усами, съ горбатыми носами, въ халатахъ.

Они пріѣхали производить слѣдствіе по дѣлу арестанта, котораго тому назадъ недѣли двѣ Иванъ Тимоѣевичъ отправилъ въ судъ, поймавши въ своей деревнѣ. Катерина Романовна приняла засѣдателя; и онъ тотчасъ послалъ своего писаря производить слѣдствіе на деревню, и первое дѣло къ отцу этого арестанта, который принадлежитъ Ив. Тим. Послѣ обѣда Ив. Тим. замѣтилъ это засѣдателю. Тотъ убѣжалъ скорѣе къ своему писарю. Надобно знать, что засѣдатель обличенъ уже во взяткахъ: на него поданы жалобы. Передъ вечеромъ я съ Митей пошелъ въ деревню, гдѣ производилось слѣдствіе. Засталъ конецъ присяги, послѣ которой пошъ подошелъ ко мнѣ... Между тѣмъ писарь началъ разспросы. Я замѣтилъ, что это не его дѣло, а засѣдателя. Онъ продолжаетъ. Это меня взбѣсило; особенно, когда начались разспросы о доказательствахъ. Я опять замѣтилъ, что у мужиковъ по разспросу доказательствъ не требуютъ, какъ слѣдуетъ по законамъ Николая. При томъ же разспросы не у мѣста. Они должны предшествовать присягѣ. Замѣтилъ ему и довольно дерзко, что все ихъ слѣдствіе не по закону, что, если они желаютъ, докажу въ судѣ. Видно, что оба они получили уже порядочную хабару отъ отца арестанта. Они передрогли, перекрасившись и переблѣднѣлись, когда сказали имъ, что не хотятъ ли они новаго доноса на себя, давая знать, что, по закону Николая, долгъ каждаго гражданина давать правительству знать о безчинствахъ, столь обыкновенныхъ при слѣдствіяхъ. Засѣдатель замѣтилъ мнѣ, что при разспросахъ никто не имѣетъ права вмѣшиваться. Я отвѣчаю, что разспросы писаря не суть разспросы, etc. Этимъ кончилась наша перепалка, которая произвела порядочную тревогу въ сердцахъ грѣшниковъ. Но что

болѣ всего ихъ изумило, то это то, что я сказалъ имъ, что они противно законамъ производить слѣдствіе, не давши знать помѣщику, не получивши отъ него отзыва. Огзывъ былъ между тѣмъ мною приготовленъ и такой отзывъ... Но что распространяться вдаль? Окончилось тѣмъ, что они передо мной расшаркались при прощаньи, а я du haute de ma grandeur кивнулъ имъ головою. Катерина Романовна—моя защитница: она говоритъ, что и сама тоже самое сдѣлала бы на моемъ мѣстѣ, Ив. Тим. также. Итакъ, застѣдателью нось. Хорошо еще, что этимъ кончилось; а если бы меня не уговорилъ Ив. Тим. кончить ничѣмъ, то непременно съ сею же почтою полетѣла бы бумажка къ губернатору на имя Евецкаго. Я бы сдѣлалъ маленькое благодѣніе всему дворянству Павлоградскаго уѣзда.

Я увѣренъ, что вы не похвалите меня за горячность. Но я защитилъ бѣдныхъ мужиковъ. Ив. Тим. не имѣетъ въ семъ случаѣ права защищать ихъ. И деньги, которыми бы они наѣрно приплатились пориочно за свое незнаніе законовъ, остались въ ихъ карманахъ. Во время нашей перепалки мужики стояли за меня и говорили миѣ, когда я защищалъ ихъ, какъ адвокатъ съ боку припеку:—„Да, да, батюшка, правда твоя, чѣмъ мы докажемъ? Мы люди неграмотные“...

—
29.

Барваровка. 3 мая 1833.

Новая боязнь, новое безпокойство, новая мука, добрая моя маменька! Представьте себя на моемъ мѣстѣ, и тогда узнаете, что какъ ни хорошо миѣ жить здѣсь, а все худо. О, если бы я могъ, но не дай, Боже, миѣ испытывать это, если бъ я могъ жить самъ собою безъ всякой привязанности, безъ всякаго чувства въ сердцѣ, кромѣ чувства гнуснаго себялюбія, безъ всякихъ привязанностей, кромѣ одной презрѣнной привязанности къ суетѣ своихъ личныхъ выгодъ,—тогда бы, можетъ быть, я жилъ бы счастливо въ степи Варваровской. Приять, какъ родной, какъ семейный, имѣю все нужное, могу удовлетворять даже нѣкото-

рымъ прихотямъ своимъ, не нуждаюсь ни мало во времени для занятій науками. Чего бы болѣе? Но я былъ въ тысячу кратъ счастливѣе, не получавши 3000 руб., живши подъ однимъ кровомъ съ вами. И радость, и горе, все было для меня тогда раздѣлимо, все общее. Не за кого было опасаться, не за кого грустить, не по комъ жалѣть. А деньги, могутъ ли онѣ удовлетворить всѣмъ потребностямъ нашимъ? Лишь бы довольство: избытокъ портить людей. Не такъ ли? Если бы я могъ остаться здѣсь и на другой годъ, то не увѣренъ, такъ ли же остался бы привязанъ къ вамъ, не охладѣлъ ли бы я къ родственному счастью. Нѣтъ, маменька! Выгода остаться, несравненно менѣе выгоды не оставаться. Думаю, что переездъ мой въ Харьковъ рѣшителенъ. Хотя пожаръ и не совсѣмъ большое горе, по крайней мѣрѣ не несчастіе, однако за нимъ можетъ послѣдовать ваша бользнь. Это уже для меня настоящее горе... Ахъ, дай Богъ, чтобы слѣдующее письмо ваше меня разувѣрило въ моей боязни! Жду, не дожусь послѣзавтрашняго дня. Въ Троицу поговоримъ, какъ расположиться, и увидимъ.—Здѣсь я окончилъ свои работы. Для самого себя относительно Запорожья узналъ и досталъ все, что можно было. Катерина Романовна вѣрно будетъ довольна мною, ибо дѣти прошли столько, сколько и въ три года въ пансіонѣ не выучили. 1500 руб. останется въ карманѣ у насъ. Я выѣду изъ Варваровки съ познаніемъ порядочнымъ двухъ языковъ: испанскаго и англійскаго, которыми теперь занимаюсь каждадневно, и по немногу успеваю. Время не потеряно, смѣло скажу. Теперь и въ Харьковъ. Если бы въ Грузію или Москву и съ вами, о, это другое дѣло! Но здѣсь мнѣ незачѣмъ оставаться... Итакъ, у васъ Петровъ бываетъ частенько. Вѣрно, простой человѣкъ. Кстати, надобно въ Троицу познакомиться мнѣ съ Гр. Оед. Квиткой. Такъ? Рылся, рылся въ бумагахъ,—такъ нѣтъ. Представьте себѣ, маменька, почти окончилъ снимокъ портрета Сквороды и чрезвычайно удачно, куда то положилъ вмѣстѣ съ подлинникомъ, недѣли двѣ тому принялся искать и все ищу, и Богъ знаетъ, гдѣ. Такъ совѣстно противу Петрова. Хотѣлось бы услужить доброму человѣку, хоть подлинникъ прислать,—ну на

бѣду рѣшительно не приберу памяти. Цѣлый вечеръ сегодня про-
рылся, перерылъ и книги, и тетради и выгдѣи въ. Однако буду
рыться. Желать бы, чтобы Петровъ не отсылалъ Альманаха въ
цензуру до Троицы. Хочется поправить свои статьи хоть въ
слогѣ. Писаны слишкомъ наскоро. Для альманаха, конечно,
годятся, но, если Петровъ приложитъ портретъ Сквороды, то
въдѣ статья моя будетъ на виду,—и потому обратитъ пове-
воль на себя вниманіе. Относительно портрета—можно взять
его у Ирины Григорьевны. Она вѣрно не откажетъ.—Къ пріѣзду
въ Харьковъ отлагаю исполненіе общаго дѣла Петрову стиховъ.
Онъ вѣрно не посѣдитъ съ альманахомъ, прочетши въ Сѣверной
Пчелѣ, Молвѣ и Телескопѣ критики на Альціону и Комету Бѣлы.

Брату поклонъ. Іосифу Смирнину¹⁾—тоже.

Прощайте, милая маменька!

—
30.

Варваровка. іюня 14. 1833.

Боже мой, какія у насъ жары—рѣшительно нестерпимы!
Въ продолженіи цѣлаго дня такъ и вынешь,—радуешься, когда
приближается вечеръ, надѣешься на одинъ вечеръ. Въ комнатѣ
спать ночью душно. Но если бы вся бѣда была только въ
этомъ; въ Таганрогѣ платять за пудъ муки 4 рубля,—за пудъ
сѣна 2 р. 50 к. Какъ покажется это вамъ?... Пв. Тим. получилъ
въ Новомосковскѣ рукопись мою изъ цензуры и распечаталъ; и ра-
спустилъ слухъ по Новомосковску, что я печатаю Запорожскую ста-
рину. Это обрадовало одного протопопа, который рванулся писать къ
архіерею, охотнику до этой старины самому страстному. ²⁾ Мы съ
Иваномъ Тимофеевичемъ поѣдемъ въ Екатеринославъ и познако-
мимся съ нимъ. Ив. Тим. доставитъ мнѣ болѣе 20 подписчиковъ, Кат.
Ром. также нѣсколько. Иваненко³⁾общаетъ около 50-ти. Я думаю,
сыщу помощію архіерея въ Екатеринославѣ. Все дѣло въ биле-

¹⁾ І. А. Джуниковскій.

²⁾ Гавріилъ Розановъ (съ 1828 по 1837 г.), архіепископъ екатеринославскій.

тахъ; вотъ почему и прошу васъ, маменька, попросить Петрова похлопотать о напечатаніи оныхъ по приложенной здѣсь формѣ. Братъ потрудится, переписать эту форму на особомъ полулисткѣ почтовой бумаги, какъ это письмо. На первый разъ достаточно напечатать 100 билетовъ, а для сего нужно купить десять почтовой бумаги Полторацкаго, маленькаго формата въ полулисткѣ. Тамъ 96 полулистовъ, слѣдовательно не достаетъ 4-хъ пол. Это хоть и на другой бумагѣ, или прикупить. Десть 2 руб. печат.—рублей 8. Да похлопочетъ Иванъ Матвѣевичъ испросить у полицеймейстера или губернатора позволеніе на напечатаніе и въ типографіи заставить напечатать почище и покрасивѣе. На вкусъ его можно положиться. Это все сдѣлаете дня въ три. И потому я васъ прошу, маменька, по слѣдующей почтѣ и прислать мнѣ 50 экзempl. билета въ посылкѣ. А 50 останется у васъ. Имя мое подписать подъ мою руку и печать приложить на нихъ можетъ братъ. Можетъ быть, Петровъ и здѣсь что-нибудь сдѣлаетъ, или Григорій Ѳеодоровичъ, къ которому прилагаю письмо здѣсь; Иванъ Матвѣевичъ постарается доставить ему. По отпечатаніи билетовъ прошу брата отвести рукопись къ ректору, а потомъ въ типографію—и печатать. А между тѣмъ я буду собирать подписчиковъ. 20 есть вѣрныхъ, слѣдовательно платежъ въ типографію вѣренъ. Если и потребуютъ впередъ рублей до 100, то, маменька, не откажите дать. Каждый корректурный листъ 1-й будетъ, надѣюсь, разсматривать братъ, 2-й—Джунковскій, Петровъ, и если, захочетъ, Квитка, а 3-й прошу васъ, добрая маменька, прислать ко мнѣ по почтѣ... Хочется, чтобы правильно было напечатано. Печатать 300 экзempl. новымъ цидеро, т. е. такими буквами, какъ Цихова диссертация, въ малую 8-у. Петровъ похлопочетъ сдѣлать изданіе красивѣе. На веленовой печатать 20 экзemplировъ. Сдѣлай одолженіе, братъ, сдѣлай тетрадку, и веди счетъ издержкамъ всѣмъ до мелочи самый аккуратный. Это изданіе мнѣ, вѣрно, не принесетъ убытку. Прощайте, милая маменька! Поклонъ Іосифу Афанасьевичу.

Изм. Ср.

Не забудь, братъ, что надобно попросить отлить отдѣльную букву *й*, а то смотри вмѣсто *й* употребить франц. *й*; а другую букву *і*: такая, кажется, есть. Гдѣ у меня удареніе, смотри, приказывай ставить и въ печати вездѣ. Если хорошо попросишь, то хорошо и сдѣлають.

31.

21 іюня 1833 года. Варваровка.

...Ночи у насъ очень прохладны, такъ что я вчера и не рѣшился лечь на дворѣ, а спать въ комнатѣ у раствореннаго окна; и тугъ было холодно. А дни, особенно отъ 11 до 6,—ужасно жарки. И между тѣмъ вѣтеръ почти не перестаетъ,—и какой вѣтеръ! Нашъ степной, крикливый... Дни за три былъ такой ураганъ, какого до сихъ поръ не видѣли: людей, шедшихъ по улицамъ въ деревнѣ, чуть-чуть не валяло съ погъ. Днябрь почти весь вспѣнился. Не только противнаго берега, но половинны рѣки не было вовсе видно, а другая половина изъ-подъ красноватаго дыма урагана едва была замѣтна...

Васъ, маменька, я буду просить, чтобы вы, если будетъ у васъ Петровъ, попросили бы его похлопотать относительно Запорожской старины. Мнѣ бы хотѣлось первую книжку отпечатать къ пріѣзду Уварова. Петровъ сдѣлалъ бы мнѣ великую милость, если бы погрудился объявить, сообразно билету, о семъ изданіи въ Молвѣ и Сѣверной пчелѣ, и написалъ бы, что желающіе выписать могутъ адресовать съ приложеніемъ денегъ на мое имя въ Харьковъ. Самому этого не хочется дѣлать. Можетъ быть также онъ можетъ что-нибудь сдѣлать относительно подписчиковъ въ Харьковѣ. Гр. Ѳед. Кв. буду просить лично по пріѣздѣ.—Если Богъ поможетъ, то это изданіе можетъ принести мнѣ рублей до 1000. Кажется, что оно будетъ принято благосклонно. Теперь занимаюсь приготовленіемъ 2-й книжки. На этой недѣлѣ кончу—и тамъ займусь переписью лѣтописи, которую досталъ въ Новомосковскѣ. Напишу къ оной примѣчанія

и если успѣю, то вручу ее Уварову. По вечерамъ работаю для журнала. ¹⁾

Покорный сынъ и братъ Из. Ср.

—

32.

Варваровка. 29 іюня.

...Вчера я докончилъ перенести второй книжки Запорожской старины, пересмотрю, поправлю, что слѣдуетъ, прибавлю, и по слѣд. почтѣ отправлю въ цензуру. Эта книжка будетъ, кажется, довольно любопытна для многихъ. Всѣ три книжки будутъ стоить мнѣ, по большей мѣрѣ, 600 рублей: за напечатаніе, пересылку и пр. Билеты, кои останутся у васъ, означьте отъ № 51 до 100. Можетъ быть, братъ продасть нѣсколько билетовъ студентамъ, — Іосифъ Афанасьевичъ раздастъ билета 3, а если постарается то, можетъ быть, и болѣе. Петровъ также. Приѣхавши въ Харьковъ, буду стараться самъ у Робуша, Рейпольскаго, Борзенка. Если разойдутся всѣ 100 б., то я въ барышахъ 400 руб. ас., а потомъ по подпискѣ и еще можно набрать. Я отправлю 5 билет. къ Росковшенкѣ, 5 къ Венелипу, 5 къ Шпигоцкому. Лишь бы положить хорошее начало, а то пойдетъ дѣло на ладъ. Авось либо Богъ поможетъ! Лишь бы вы, маменька, были здоровы, а то все пойдетъ на ладъ. Еще мѣсяцъ, и я къ вамъ въ Харьковъ...

Изм. Ср.

—

33.

Варваровка. 29 іюня.

...Вчера былъ такой жаркій день, что я не зналъ куда лѣзаться — я думаю, что градусовъ до 25 доходило, если не болѣе. Ночи, напротивъ, здѣсь холодны. Можетъ быть вы не посовѣтывали бы мнѣ спать на балконѣ, но въ комнатѣ право невозможно:

¹⁾ Затѣяннаго И. М. Петровымъ.

духота нестерпимая. Я сплю на своемъ базковѣ; подо мной сиятъ Катерина Романовна и Иванъ Тимофеевичъ. Съ вечера мы обыкновенно разговариваемъ то про звѣзды,—и я изъясняю Лапласа, каково?—то про Огненную землю, Америку и пр. до безконечности. Наконецъ мнѣ наскучаетъ болтать, я смолкаю, начинаю дремать,—и сквозь дремоту слышу: послушайте, Измаиль Ив...—вишь, ужъ спить!—И я засыпаю такъ сладко, такъ пріятно, что и вставать бы не хотѣлось.

Сегодня просыпаюсь—день сѣрый, тучи ходятъ по небу, солнце будто пузырь, наполненный газомъ, и вѣтрикъ (это слово у насъ сдѣлалось техническимъ). Къ полудню дождь, проливной—и шуметь и гуде. Продолжался часовъ 5. Громоу ударъ былъ такъ силенъ, что у меня въ ухѣ зазвенѣло и голова покачнулася на бокъ... Мы въ это время сидѣли за столомъ. Къ вечеру все стихло, погода прояснилась, и я съ дѣтьми ходилъ купаться... По берегамъ Днѣпра превращеніе: тамъ появились овраги, тамъ нанесло кучи камней, здѣсь отмели... Рѣка—какъ стекло, и солнце переложило пурпуро-огневою дорогу поперекъ Днѣпра. Вы не видали, маменька, этой картины,—вы бы залюбовались!

Днѣпръ ужасно упалъ, по крайней мѣрѣ аршина на 2, и весь усыялся камнями, высунувшимися изъ-подъ воды. Это тоже картина оригинальная...

34.

Юля 5-е. Варваровка.

...Мѣсяца два или три Ив. Тим. нанялъ жидка лекаря для своей деревни. Вчера пріѣхалъ онъ изъ Чаплей, села гр. Воронцова, и между прочими новостями привезъ слѣдующія.

1. Есть въ Екатеринославѣ жидовка Мовка, столѣшница, богатая, злая жидовка. Былъ базаръ. 9 часовъ утра. Мовка захворала, Мовка не пошла на базаръ со своими кошельками. По базару долго ходилъ какой-то лакей какого-то помѣщика, разспрашивалъ про Мовку, говоря, что баринъ послалъ его раз-

мѣнять деньги; и Мовки не сыскалъ, и пошелъ къ Мовкѣ въ домъ. „Я теперица хора и не пиду,—отвѣчала жидовка.—Завтричка по югру выбизу на базаръ и винису деньги. Сколько? 500 руб. треба твоему барину? Добре, винису.—Лакей ушелъ, и на слѣдующее утро вышелъ на базаръ,—явилась и Мовка, и съ Мовкой они пошли къ барину. Къ полудню Мовку нашли подлѣ пристани въ грязи съ перерѣзаннымъ горломъ. Каково? Смертоубійство днемъ.

2. Жила была въ Полтавской губерніи гдѣ-то въ хуторѣ, вѣдьма Тройчиха. Страшная вѣдьма. Всѣ окрестные жители боялись ее болѣе, нежели гнѣва небеснаго. Наконецъ, она умираетъ—мѣсяца четыре тому назадъ. Много народу собралось на ее похороны,—и вотъ было ея завѣщаніе: нынѣшнее лѣто не будетъ дождей. Я подрѣзала по нѣскольку перьевъ у всѣхъ пѣтуховъ Бѣлаго царства.—И умерла страшная Тройчиха. Сыскалась другая вѣдьма Горчиха, вѣроятно изъ добрыхъ: она посоветывала народу вырывать у пѣтуховъ обрѣзанные перья и спокойно ожидать дождя.—Глаголютъ, что предсказанія обѣихъ вѣдьмъ исполняются: у всѣхъ пѣтуховъ подрѣзаны въ крыльяхъ перья—и пѣтъ дождя. Помѣщики раздають приказы вырывать эти перья—и начинаются ливные дожди. Тоже и въ Варваровкѣ, вѣроятно, будетъ!!!

Къ сей двойцѣ еще одна. Около острова Токмаковки, на Днѣпрѣ, есть казенное село Токмаковка. Недавно, съ мѣсяцъ, тамъ жило одно бѣдное семейство, въ бѣдной хатѣ,—и въ одну ночь все перемерло. Народъ испугался, подумалъ, что чума, и далъ знать суду. Судъ явился и заложилъ хату. Прошло нѣсколько времени,—начали замѣчать, что по ночамъ въ той хатѣ свѣтится огонь. Странно! И между тѣмъ каждую ночь и всю ночь тоже и одно! Народъ собрался въ громаду и началъ разсуждать. Наконецъ явился нищій, ко-ему сдѣлали предложеніе провести ночь въ той хатѣ. За кусокъ хлѣба нищій согласился и пошелъ въ хату, и легъ подъ лавку, и самымъ спокойнымъ сномъ сытаго человѣка заснулъ подъ лавкой. Ночью крикнулъ, дупнулъ глазами,—глядь:—на столѣ свѣча, за столомъ три старика съ длинными сѣдыми бо-

родами, со страшными взглядами, облокотившись разговаривают так между собою:—одинъ говорить: Грѣшать нечестивцы! Пора кару послать!—Другой говорить: Грѣшать нечестивцы! И халандра не усмирила. Надобно моръ, чуму!—Третій говорить: Грѣшать нечестивцы! Надобно голодъ, язву. Пусть пропадетъ весь ихъ скотъ и отары; пусть согниетъ и сгоритъ все ихъ имущество! И потомъ гибель и смерть, ужасная голодная смерть.

— А ты, чего здѣсь?—обратились они къ нищему, лежавшему подъ лавкой.—Ты слушалъ? Хорошо. Ты выслушалъ, иди и повѣдай нечестивцамъ, да смирятся, иначе—кара небесъ, гибель.

— Но мнѣ не повѣрять, панове. Меня посадятъ въ тюрьму, все тѣло мое избородятъ кнутомъ, и безъ голода изморятъ голодомъ, и безъ мора предадутъ поносной смерти.

— Тебѣ не повѣрять! Пусть такъ! Надобно сжалиться надъ нечестивцами. Сложи накрестъ руки. Вотъ знакъ нашъ—тебѣ повѣрять.

Нищій скрестилъ свои костлявыя руки—и руки приросли! къ плечамъ, и онъ вышелъ, самъ не зная какъ, изъ хижины, и ходить, и поучаетъ. Къ хатѣ никто не смѣетъ прикоснуться...

35.

Среда 11 числа іюля 1833.

...Вотъ и еще одно сказаніе подъ стать къ прежнимъ: Три бабы, три старыхъ дряхлыхъ бабы шли изъ Воронежа, гдѣ поклонялись св. Митрофану, и завернули въ Кіевъ. Св. Митрофанъ не сподобилъ ихъ причаститься св. Таинъ въ храмѣ своемъ, и потому они отправились на поклоненіе старымъ угодникамъ. И вотъ они уже перешли черезъ Днѣпръ, и вотъ приготовляются идти на гору Кіевскую, какъ вдругъ у одной изъ поклонницъ подкосились ноги, и она по колѣна загрузла въ землю. „Часъ смерти моей приближается. Идите, бабушки, къ отцу Иллариону и скажите ему, чтобы меня пришелъ исповѣдать. Я кающаяся грѣшница“.—Отецъ Илларионъ поспѣшно взявъ св. крестъ и от-

правилась подъ гору, прочелъ молитву надъ умирающей и началъ исповѣдывать. „Каюсь“, говорила старуха, „три грѣха, три тяжкихъ грѣха лежатъ на сердцѣ моемъ. Помолись обо мнѣ св. угодникамъ Христовымъ. Я убила своего свекра, заморила голодомъ свекровь, отравила ядомъ мужа. Господи помилуй!“—И, сказавши это, погрузилась въ землю по грудь. „Охъ, отецъ Иларіонъ! Есть еще на душѣ моей и еще одинъ грѣхъ.—Говори какой!—Есть еще грѣхъ.—Что же, кайся!—Есть еще грѣхъ, но я не признаюсь въ немъ ни самому Спасителю“. Страшно захохотала, ее обхватили корчи—и она вся исчезла подъ землей...

36.

Варваровка. 17 іюля.

Не знаю, послѣднее ли или предпослѣднее письмо пишу въ вамъ, милая маменька, но, кажется, черезъ двѣ недѣли и много черезъ три, буду у васъ. Дай Богъ скорѣе. Съ нетерпѣніемъ жду счастливой минуты, когда васъ увижу. Право, мнѣ ужъ наскучило жить въ степи, и очень радъ, что не останусь на слѣдующій годъ, который, какъ можно заключить по неурожаямъ, будетъ здѣсь ужасенъ. Мѣсяцъ пройдетъ, и у мужиковъ уже ничего не останется хлѣба: весь будетъ съѣденъ; одна надежда остается на гречу и просо. Пока онѣ общаются изрядный урожай,—но Богъ вѣсть.

Говорятъ, что гдѣ-то около Кіева или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ явился какой-то пророкъ, который предсказываетъ голодъ и моръ. Конечно, это побасенка; но безъ несчастій не обойдется, особливо здѣсь въ Новороссіи, гдѣ народъ такъ лѣнивъ, безпеченъ.

Сегодня пріѣзжалъ чиновникъ изъ суда съ запросомъ, можетъ ли Ив. Тим. прокормить своихъ крестьянъ,—и съ приглашеніемъ пожаловать на сеймъ уѣздный, на которомъ будутъ совѣтоваться, какія предпринять мѣры для предупрежденія готовящагося бѣдствія. Наши благочестивые помѣщики умѣютъ пользоваться

случае: Синельниковъ продаетъ своимъ мужикамъ хлѣбъ по 25 руб. за четверть; какая милосердная цѣна. Бразель—по 700 руб. стога сѣна, а иногда и по 1000...

Ожидая скорого прїѣзда въ Харьковъ, я что-то плохо работаю. Только что читаю. Займусь ужъ въ Харьковѣ.

Если братъ рукописи не относилъ къ ректору, то и не нужно. Я самъ, прїѣхавъ, отнесу. Думаю бывать у Кропленберга почаще на всякій случай. Впрочемъ черезъ годъ, если Богъ дастъ, въ Питеръ. Пора служить,—и, кажется, по статской службѣ. Лишь бы получить мѣстечко съ хорошимъ жалованьемъ; съ меня и довольно. Я чиновъ не ищу,—ибо не смогу съ ними управиться. А получивши мѣстечко,—я дойду до чего хочется дойти: вѣрю, что все къ лучшему, вѣрю, что и мое отъ меня не ускользнетъ. Безъ сомнѣнія, не безъ трудовъ,—и не скоро,—да все, Богъ дастъ, дойду—и еще прежде добѣду до Харькова, съ мечтой о чемъ ложусь сію минуту въ постель, желая и вамъ покойной ночи и прїятнаго сна. Недавно я во снѣ былъ въ Парижѣ; какъ тамъ гадко!

Adieu, маменька! Изъ Срезневскій.

—
37.

30 іюня 1839. Второго 35 минутъ. Солуницовка.

Вамъ, милая маменька, конечно памятно это имя: не разъ случалось покупать вамъ ягоды у дивчатъ изъ Солуницовки. Въ ней то мы остановились теперь, отбѣхавши уже 12 верстъ отъ Харькова. Что заставило, спросите вы? Погода, маменька, т. е. непогода. Дорога идетъ все пѣсками, ѣхали шагомъ, а между тѣмъ сначала ревелъ вѣтеръ, потомъ свиснулъ и дождь; извозчикъ же нашъ, Петро, что-то въ родѣ Байрона; все это вмѣстѣ могло наконецъ заставить насъ обрадоваться возможности остановиться хоть немного отдохнуть. И вотъ мы отдыхаемъ въ домикѣ добраго и ласковаго Кирилла Михайловича Шевченка, который пообѣщалъ мнѣ передать вамъ эту записку. Онъ ѣдетъ

въ Харьковѣ. Примите его, маменька, ласково, поблагодарите за гостепрѣимство... Мнѣ очень радостно, что могу увѣдомить о себѣ черезъ нѣсколько часовъ послѣ отъѣзда изъ Харькова, тѣмъ болѣе, что этотъ отъѣздъ былъ такъ поспѣшенъ, что я и до сихъ поръ не могу опомниться, не могу вполне вѣрить, во снѣ или наяву пишу я эту записку...

38.

Суббота 1-го іюля. Ахтырка.

...Опять здравствуйте, маменька, и простите, что только теперь, въ 11-мъ часу утра принимаюсь за перо. Вы согласитесь, что прежде нельзя было, когда прочтете, какъ прошло наше время послѣ выѣзда изъ Богодухова. Вотъ какъ прошло оно. — Въ половинѣ 4-го часа вчера мы прѣхали въ Купѣваху, и только успѣли отдать прогоны, какъ и опять на телѣгу. Въ половинѣ 6-го мы были уже въ Ахтыркѣ. Въ два часа мы промчались 28 верстъ: нельзя быдо не устать. Къ счастью, въ Ахтыркѣ насъ ждали и сдѣлали все, чтобы дать намъ покой. Впрочемъ, мы могли имъ воспользоваться уже довольно поздно. Сначала напились чаю, одѣлись и пошли гулять по городу; потомъ, воротившись домой, отправились къ старику Чудновскому, о. Іоанну, знакомиться, говорили, ужинали. О. Іоаннъ и его дочь дѣвица приняли насъ такъ же, какъ и сынъ, радушно, ласково. Въ одиннадцать легли на мягкія постели и заснули богатырскимъ сномъ. Въ 8 встали, пошли приложиться къ иконѣ Божіей Матери, воротились пить чай,—и за всѣмъ этимъ прошло два часа. Теперь я остался одинъ и принялся писать.

Что же вамъ сказать объ Ахтыркѣ?—Миленькій городъ, украшенный во всю свою длину (семи верстъ) двѣнадцатыми церквами, весь въ садахъ. Есть хорошенкіе домики, есть прекрасная площадь, довольно порядочный гостинный дворъ и т. д. Всего прекраснѣе соборъ Покрова, въ которомъ и икона. Соборъ въ самомъ дѣлѣ прекрасный, величественный: та-

кого храма въ Харьковѣ нѣтъ. Снаружи нельзя не любоваться его куполомъ съ главою въ 14 аршинъ вышины, спереди и сзади котораго два фонаря съ такими же главами (такъ что весь онъ похожъ на трехмачтовый корабль). Нельзя не любоваться его колокольнею легкой, изящной архитектуры. Въ одномъ дворѣ съ соборомъ и колокольней и Чернышевская церковь, маленькая, но прекраснаго фасада. Самый дворъ прекрасенъ, очень великъ, поросъ травою и деревьями и обнесенъ огромною рѣшеткой.

Все это вновь выбѣлено, выкрашено. Внутри соборъ также великолѣпенъ и есть роскошныя вещи. Иконостасъ бѣлый съ серебромъ и золотомъ. Престолъ въ главномъ алтарѣ литой, серебряный, огромный. Видѣли и евангеліе въ богатой серебряной оправѣ, длиною съ аршинъ, и столь тяжелое, что любому силачу трудно поднять его, а я могу только приподнять со стороны. Образъ Божіей Матери Ахтырской невеликъ (длинною вершковъ 7, шириною около 6), но чего на немъ нѣтъ! Между сотнями брилліантовъ, есть и такой, который самъ по себѣ стоитъ 10.000 рублей. Я надѣюсь все это видѣть опять и подробно описать вамъ. Видъ съ колокольни изумителенъ по прелести...

39.

2-го іюля 1839. Ахтырка.

.. Уже двѣнадцать часовъ ночи. Еще день прошелъ въ Ахтыркѣ, — и этотъ день прошелъ такъ, какъ рѣдко, рѣдко проходить онъ у меня въ Харьковѣ¹⁾. Досталось и ѣсть и пить черезъ мѣру. Впрочемъ, надобно вамъ рассказать прежде, какъ провелъ я и вчерашнее послѣ обѣда, а потомъ уже перейти къ нынѣшнему дню. Вчерашнее послѣобѣда прошло то въ ожиданіи, то въ слушаніи всенощной. Въ 5-мъ часу пріѣхалъ Преосвященный Мелетій; въ 8 часовъ началось служеніе и продол-

¹⁾ 2 іюля исполнилось 100 лѣтъ со времени явленія чудотворной Ахтырской иконы Божіей Матери.

жалось до половины одиннадцатаго. Соборъ великолѣпно былъ освященъ, и весь полонъ народомъ, полонъ былъ даже дворъ церковный, даже и за оградой толпами разсыявъ былъ народъ. Вечеромъ была иллюминація и вокругъ собора. Стеченіе народа удивительное для меня и для Ахтырки, и между тѣмъ до поздней ночи съѣзжались и сходились кучи отовсюду.—Квартиру было такъ трудно достать, что въ лучшихъ мѣстахъ города платили въ сутки по 25 и даже до 100 рублей. Сегодня церемонія началась разомъ въ двухъ церквахъ: въ Покровскомъ соборѣ архіерей облачился и вышелъ на встрѣчу крестнаго хода, между тѣмъ какъ архимандритъ повелъ этотъ крестный ходъ изъ Успенской церкви. На площади неподалеку отъ собора процессіи соединились, и подъ зеленою срубленныхъ деревьевъ происходило водоосвященіе. Потомъ началась обѣдня.—Тѣснота и давка въ соборѣ была страшная. Не только прочему духовенству, но даже и архіерею трудно было найти мѣсто для прохода. Шляпокъ, чепчиковъ разнаго покроя и цвѣта и старинныхъ и модныхъ была цѣлая безконечности. Простого народа и вовсе не пускали въ церковь. Изъ знати надобно вспомнить губернатора и предводителя. Изъ знакомыхъ харьковскихъ я видѣлъ Громова, Филомофицкую, Ромашевыхъ, Абазину и т. д. Обѣдня началась въ 11-ть и кончилась въ три часа—молебномъ и крестнымъ ходомъ вокругъ церкви. Еще прежде обѣдни получилъ билетъ на обѣдь, который ахтырское дворянство вздумало дать по этому случаю, и ѣздилъ благодарить предводителя Ахтырскаго. Въ обѣдню я получилъ приглашеніе на закуску послѣ обѣдни, даваемую отъ собранія ахтырскаго духовенства и тамъ познакомился съ нѣкоторыми изъ дворянъ, а также и съ архіереемъ. Въ 6 часовъ начался обѣдь и продолжался до 8-ми. Угощеніе было превосходное. Шампанское лилось... и сыночекъ вашъ воротился съ обѣда чуть не пьяный. Кстати скажу, что дворяне ждуть отъ меня описанія этого праздника и обходились со мною очень хорошо. Завтра надобно съѣздить къ нѣкоторымъ... Теперь совѣ клонить. Изъ Ахтырки между тѣмъ уже разъѣзжаются и вѣрно завтра она опустѣетъ.

Прощайте, маменька! Цѣлую ручку вашу. И. Срезневскій.

7-ю іюля 1839. Ахтырка.

Ахтырка? Измайлуша все еще въ Ахтыркѣ? спрашиваете вы, милая маменька, самихъ себя и удивляетесь. Да, маменька, я все еще въ Ахтыркѣ. Сегодня уже недѣли минуешь, какъ я пріѣхалъ въ Ахтырку, и до сихъ поръ еще не все кончилъ, что нужно было сдѣлать. И вы согласитесь маменька, это время не было мною потеряно, если узнаете, какъ я провелъ его. Въ пятницу подѣ вечеръ пріѣхалъ я въ Ахтырку и познакомился съ вѣщностью Ахтырки, въ субботу былъ въ соборѣ утромъ, и былъ тамъ же на всенощной архіерейской вечеромъ; въ воскресенье весь день прошелъ за обѣдней, завтракомъ въ домѣ архіерейскомъ, обѣдомъ; въ понедѣльникъ архіерей обѣдалъ у моего гостепріимнаго хозяина, а позднимъ вечеромъ я былъ на дворянскомъ балѣ, во вторникъ послѣ обѣда тотчасъ поѣхалъ въ Каплуновку поклониться тамошней чудотворной иконѣ Божіей Матери и возвратился уже на другой день къ обѣду, вечеромъ въ тотъ же день ѣздилъ въ близъ лежащій монастырь и воротился къ ночи; въ четвергъ занимался списываніемъ нужныхъ бумагъ; сегодня утромъ ѣздилъ въ храмъ Успенія и взялъ подорожную для дальнѣйшаго пути. Свѣдѣній собрано много. Даже и бандуристъ былъ уже у насъ, и мы успѣли воспользоваться его памятью, сколько могли. Что же касается до чудотворныхъ иконъ Ахтырской и Каплуновской, то я имѣю о нихъ такіа свѣдѣнія, какія едва ли кому удастся собрать. И всѣмъ этимъ обязанъ я гостепріимному, доброму, умному, ласковому, незабвенному хозяину нашему о. Іоанну Чудновскому. Онъ принялъ насъ, какъ родныхъ, обходится, какъ съ родными. Мало того что у насъ особый флигель и у меня особенная комнатка—даже въ домѣ мы полные хозяева и цѣлый день проводимъ тутъ. Я пишу это письмо въ кабинетѣ о. Іоанна, между тѣмъ какъ Степанъ Семеновичъ ¹⁾ срисовываетъ фасадъ собора въ гостинной залѣ, гдѣ

¹⁾ С. С. Третьякъ—спутникъ И. И. Срезневскаго.

дочь о. Іоанна, милая молоденькая дѣвушка разыгрываетъ увертюру изъ Фра-Діаволо, а старикъ въ смежной комнатѣ, своей спальнѣ, тоже что-то пишетъ. Мой портфель близъ меня, а съ нимъ и весь мой письменный приборъ. Что касается до свѣдѣній, собираемыхъ мною объ Ахтыркѣ и ея окрестностяхъ, то безъ о. Іоанна я не могъ бы и половины ихъ имѣть. Завтра полагаю все кончить, и послѣзавтра ѣхать изъ Ахтырки. Путь нашъ въ Лубны черезъ Гадячъ и Роменъ. Надѣюсь, маменька, что вы напишете въ Лубны ко мнѣ хотя маленькое письмецо: оно будетъ единственное, какое только могу я получить отъ васъ по почтѣ. Изъ Лубенъ я поверну на Полтаву и домой. Болѣе не успѣемъ сдѣлать...

41.

8-го іюля 1839. Ахтырка.

Опять здравствуйте, милая маменька, и опять все-таки изъ Ахтырки! Но, наконецъ, завтра, кажется, уже непременно въ путь—въ Зеньковъ, Гадячъ, Роменъ, Лохвицу и Лубны; въ Лубнахъ возьмемъ опять подорожную, и въ Харьковъ черезъ Хороль и Полтаву. Хотѣлось бы окончить весь этотъ путь въ 12 дней, но не знаю. На всякій случай просилъ Івана Львовича Дзюбина, который взялся доставить вамъ это письмо, выхлопотать мнѣ отпускъ еще дней на пять. Попросите и вы его отъ себя.—Дзюбинъ родомъ изъ Ахтырки. Давно собирался я быть у нихъ въ домѣ; сегодня, наконецъ, встрѣтился съ ними на ярмаркѣ (теперь въ Ахтыркѣ ярмарка—нѣчто въ родѣ нашего базара), и оттуда пошелъ къ нимъ. Мать ихъ прекрасная женщина. Весь вечеръ я провелъ у нихъ, до ужина. Воротившись, говорилъ до сихъ поръ съ о. Іоанномъ.

Ахъ, маменька! Какъ прекрасно жить въ Ахтыркѣ! Превосходный соборъ для молитвы, прекрасный климатъ! Тысячи за три можно купить домикъ довольно хорошенкій съ большимъ мѣстомъ. Припасы всѣ дешевы. Знакомства, правда, нельзя имѣть

со многими—не стоитъ, но семейства два можно найти. И какъ все тихо, городъ и деревня! Непремѣнно надобно намъ ѣхать въ Ахтырку вмѣстѣ съ вами. О. Іоаннъ все еще жалѣетъ, зачѣмъ я не привезъ васъ—и я увѣренъ, что вы были бы приняты истинно родственно. Сегодня за столомъ мы пили ваше здорovie. Завтра всѣ собираются провожать насъ до монастыря, версты за три, и тамъ пить чай. Какое прекрасное мѣсто этогъ, такъ называемый, монастырь! Большая гора, съ трехъ сторонъ Ворскла въ лѣсахъ и за нею горы, покрытыя лѣсами, а съ четвертой стороны растягивается огромная равнина; на самой горѣ церковь со старинною колокольнею, и всѣ эти горы поросли деревьями. Видъ во всѣ стороны растягивается далеко и восхитительно хороши. Насъ приняли родственно, хотя и родственно и проводить...

42.

11-го юля 1839. Село Сары, близъ Гадяча.

Впрочемъ, Амвросій Лукьяновичъ,¹⁾ какъ податель этого письма, объяснить лучше всякой подписи, что мы съ нимъ видались и видались у него же въ домѣ. Я перескажу только, какъ это случилось, или лучше перескажу, какъ прошли всѣ вчерашнія сутки: то были прекрасныя сутки.

Я уже, кажется, писалъ вамъ, маменька, что мы намѣремы были выѣхать изъ Ахтырки 9-го, въ воскресенье, послѣ обѣда и что насъ собираются провожать. Такъ и было; хотя самъ о. Іоаннъ нечаянно заболѣлъ и остался дома, но это не помѣшало другимъ членамъ добраго семейства его исполнить свое обѣщаніе... Дорогу прохотали, встрѣтили по дорогѣ бандуриста и велѣли ему идти въ монастырь, а между тѣмъ монастырскій священникъ о. Григорій поѣхалъ впередъ съ частию багажа, не помѣстившагося въ коляскѣ, и съ тѣмъ, чтобы приготовить для насъ пріемную подѣ колокольней. Когда мы пріѣхали, самоваръ почти уже поспѣлъ, и мы расположились въ первомъ этажѣ старинной колокольни и около ее такъ: двѣицы стали готовить чай и все, что къ

¹⁾ А. Л. Метлинскій.

чаю, Оеодоръ Ивановичъ сѣлъ на землѣ, опершись о стѣну колокольни и сталъ на моемъ портфейлѣ снимать видъ церкви; я пошелъ въ церковь посмотрѣть еще разъ на портретъ отца Тодіа Надаржанскаго, бывшаго духовника Петра I, а Степанъ Семеновичъ усѣлся въ колокольнѣ за столомъ писать, что будетъ ему говорить бандуристъ, завѣсившій мѣсто подлѣ стола на землѣ по-татарски. Это положеніе измѣнилось уже послѣ чаю, когда пошли гулять и любоваться видами. Виды чудесные съ горы, на которой лежитъ монастырь: на востокъ изъ-за рощъ виднѣется Ворскла, пестрящая островами, за нею пески, за ними Ахтырка; на югъ та же Ворскла скрывается на равнинѣ, оканчивающейся отдаленными горами; а западъ и сѣверъ—горы, покрытыя лѣсами и садами, и между ними опять Ворскла, то скроется за зеленѣнь, то выгянетъ прозрачною полоской. Послѣ гулянья мы востерились къ колокольнѣ, пили тосты за здравіе живыхъ и за покой умершихъ; сошедши съ горы къ дорогѣ, гдѣ ждали экипажи, опять пили; потомъ простились со слезами,—и наши гостепріимные хозяева повернули налѣво, а мы направо. То было въ 9 часовъ вечера. Въ 2 часа ночи мы были уже въ городѣ Зиньковѣ за 46 верстъ. Тутъ мы провели ночь. Утромъ я ходилъ на базаръ, нашелъ бандуриста, зазвалъ, списалъ нѣсколько пѣсень и думъ. Напившись кофе, мы отправились въ Гадячъ. Онъ въ 36 верстахъ отъ Зинькова; въ семи верстахъ отъ него село Сары, гдѣ живутъ родители Амвросія Лукіановича. Кое-какъ уговорилъ ямщика повернуть прямо на Сары, предположивъ уже изъ Сары ѣхать въ Гадячъ. Въ 12 часовъ мы вѣхали на дворъ къ Амвросію Лукіановичу. Спрашиваемъ о немъ; получаемъ въ отвѣтъ—въ Гадячѣ.—Спрашиваю о маменькѣ его; говорятъ—дома. Я рѣшаюсь остановиться и ждать Амвросія Лукіановича. Добрая Софія Назарьевна приняла насъ ласково, какъ давно знакомыхъ... Въ 5 часовъ воротился и Амвросій Лукіановичъ; мы гуляли, болтали,—ѣли, пили. Теперь собираемся въ дорогу: Амвросій Лукіановичъ ѣдетъ въ Харьковъ,—мы въ Гадячъ и оттуда въ Роменъ и пр. У монастыря Гадяцкаго мы простимся. Прощайте и вы, маменька! Будьте здоровы, спокойны. Прощайте. Уже скоро, скоро ворочусь къ вамъ...

The first thing I noticed when I stepped out of the car was the
 smell of the sea. It was a fresh, salty smell that I had never
 experienced before. I had been told that the air in the
 mountains was clean and pure, but I had never realized that the
 sea air was even better. I took a deep breath and felt my lungs
 expand. It was a wonderful feeling. I had heard that the
 mountains were beautiful, but I had never seen them before.
 Now I was standing on the edge of a cliff, looking out over the
 ocean. The water was a deep blue color, and the sky was a
 clear, bright blue. The sun was shining brightly, and the
 waves were crashing against the rocks. It was a beautiful scene
 that I had never seen before. I had heard that the mountains
 were beautiful, but I had never seen them before. Now I was
 standing on the edge of a cliff, looking out over the ocean. The
 water was a deep blue color, and the sky was a clear, bright
 blue. The sun was shining brightly, and the waves were crashing
 against the rocks. It was a beautiful scene that I had never
 seen before. I had heard that the mountains were beautiful, but
 I had never seen them before. Now I was standing on the edge
 of a cliff, looking out over the ocean. The water was a deep
 blue color, and the sky was a clear, bright blue. The sun was
 shining brightly, and the waves were crashing against the rocks.
 It was a beautiful scene that I had never seen before. I had
 heard that the mountains were beautiful, but I had never seen
 them before. Now I was standing on the edge of a cliff, looking
 out over the ocean. The water was a deep blue color, and the
 sky was a clear, bright blue. The sun was shining brightly, and
 the waves were crashing against the rocks. It was a beautiful
 scene that I had never seen before. I had heard that the
 mountains were beautiful, but I had never seen them before.

1101

20

OR